

INSPIRIA

БЕСТСЕЛЕР
NEW YORK TIMES
*от лауреата премии
Эдгара Аллана По*

ЛЕДИ

и

ОЗЕРЕ

ЛОРА ЛИПМАН

INSPIRIA

Лора Липпман
Леди в озере
Серия «**Novel. Национальный**
бестселлер. США»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67733454
Леди в озере / Лора Липпман: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-169835-5

Аннотация

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES.

ОТ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ ЭДГАРА АЛЛАНА ПО.

Скоро экранизация с обладательницами «Оскара» **НАТАЛИ ПОРТМАН** и **ЛУПИТОЙ НИОНГО**.

Смерть меняет людей. Видит бог, моя собственная изменила меня.

Меня звали Клео Шервуд. После смерти я стала Леди в озере, трупом, вытащенным из фонтана после нескольких месяцев в воде.

И никому не было до меня дела, пока не явилась ты, не дала мне это дурацкое прозвище и не начала стучаться в двери, докучать людям и лезть туда, где тебе были не рады. Ожидалось, что на меня плюнут все, кроме моей семьи. На цветную, что пошла на свидание не с тем мужчиной, и после ее никто не видел.

Но в дело вступила ты и превратила мой конец в свое начало. Зачем тебе это было нужно, Мэдлин Шварц? Почему ты не могла и дальше жить в красивом доме, состоять во вполне сносном браке? Не могла оставить меня на дне фонтана? Там я была надежно укрыта.

И все были в безопасности, пока я была там...

«Почему эта книга особенная, даже выдающаяся? Вот почему: остросюжетная загадка здесь лишь фон. Основная же тема – огромный разрыв между настоящими стремлениями женщин и теми, которых от них ожидали». – *Стивен Кинг*

«Когда у Липпман выходит новый роман, я всегда в волнении, потому что знаю, что, взяв книгу, снова попаду в руки мастера». – *Гиллиан Флинн*

«Роман, заставляющий маниакально читать его, думать о нем, болеть им». – *Vanity Fair*

«Одна из лучших романисток, и точка». – *Washington Post*

«Сюжет здесь гораздо значительнее, чем лежащее в его основе преступление, а преступление – гораздо значительнее своей разгадки. Захватывающая ретро-драма». – *Kirkus Reviews*

«Потрясающий рассказ о настойчивой женской самореализации оборачивается картиной самого духа того времени». – *Publishers Weekly*

«Триумф повествовательного мастерства и саспенса». – *Daily Mail*

Содержание

Часть I	6
Я видела тебя один раз	6
Мэдди	14
Однокашник	28
Мэдди	40
Продавщица	53
Февраль 1966 года	62
На Новый год моя семья ест спаржевую фасоль...	74
Школьница	79
Март 1966 года	86
Патрульный	99
Март 1966 года	109
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Лора Липпман

Леди в озере

Памяти

Роба Хайасена

Джеральда Фишмана

Джсона МакНамары

Ребекки Смит

Венди Уинтерс

Часть I

Я видела тебя один раз

Я видела тебя один раз. Увидела тебя, а ты заметила меня, заметила, что я смотрю. Вверх-вниз, вверх-вниз взглядом. Красивым женщинам это свойственно – посмотреть друг другу в глаза, затем смерить с головы до ног. Я поняла сразу: ты никогда не сомневалась в том, что красива, и сохранила привычку оглядывать комнату, чтобы удостовериться: ты тут самая-самая. Ты окинула глазами толпу на тротуаре, и твой взгляд встретился с моим, всего на мгновение, после чего ты его отвела. Увидела меня и мысленно подсчитала очки. Кто победил? Чутье подсказало мне, что победу ты отдала себе, поскольку увидела перед собой негритянку, и притом бедную. Забавно, что в животном мире дело обстоит наоборот. Там самец устраивает представление ради самки, приманивает ее красивыми перьями или пышной гривой, старается переплюнуть других самцов. Почему же у людей все иначе? Как неразумно. Ведь мужчины нуждаются в нас больше, чем мы в них.

В тот день ты была в меньшинстве, находилась в нашем районе, а там почти любой мужчина выбрал бы меня, более молодую, более рослую и стройную. Возможно, даже твой

муж, Милтон. Я обратила внимание на тебя отчасти потому, что ты находилась рядом с ним. Теперь он выглядел точно так же, как его отец, человек, которого я вспоминала с теплотой. О Милтоне я бы такого не сказала. Видя, как его окружали на ступеньках синагоги, хлопали по спине, брали его руки в свои, я догадалась, что умерший – его отец. И по тому, как люди ждали своей очереди, чтобы сказать слова утешения, я поняла, что Милтон большая шишка.

Хоть я и прожила рядом с синагогой много лет, так и не научилась правильно произносить ее название. По мне, так оно звучит как речь того комика в шоу Эда Салливана¹, который говорит со смешным акцентом.

Синагога в одном квартале от парка. От парка, озера и фонтана. Ну разве это не занятно? В тот день я, вероятно, делала крюк по дороге в Друид-Хилл, неся в сумочке книгу. Не то чтобы мне так уж нравилось бывать на свежем воздухе, но в нашей квартире восемь человек: отец, мать, сестра и двое братьев, мои маленькие сыновья и я, и, как любил выражаться отец, там у меня не бывало ни минуты покоя. Так что я клала в сумку какую-нибудь книгу – роман Джин Плэйди или Виктории Холт², – говорила: «Я в библиотеку», и у мамы язык не поворачивался сказать мне «нет». Она

¹ Американская телепередача, выходившая в эфир в 1949–1971 гг.

² Элевнор Элис Берфорд Хибберт (1906–1993) – английская писательница, писавшая под разными псевдонимами. Под псевдонимом Джин Плэйди она писала исторические романы, а под именем Викториа Холт – готические.

никогда не пеняла, что двое мужчин, с которыми я имела дело, оказались никчемными бездельниками, и в конце концов я вернулась домой ни с чем. Я была ее первым ребенком и ее любимицей. Но все же не настолько, чтобы мне сошла с рук третья ошибка. Мама все время наседала на меня, чтобы я опять пошла учиться и выучилась на медсестру. На медсестру. А я не могла представить себе, что у меня будет работа, требующая прикасаться к людям, когда этого не хочешь.

Если дома все начинало меня слишком уж доставать, если вокруг бывало слишком много тел и слишком много голосов, я шла в парк, гуляла по дорожкам, упивалась тишиной и погружалась во времена старой Англии. Позже люди говорили, что я была ужасным человеком, раз оставляла своих детей на попечение бабушки и дедушки, но на самом деле о них-то я и думала. Мне был нужен мужчина, и притом не абы какой. Такой, который бы нас обеспечил, всех. А для этого стоило какое-то время пожить без детей, даже если это значило поселиться у моей подруги Летисии, как никто умеющей учить женщин добиваться, чтобы мужчина платил за все. По словам моей мамы, кладя сыр в мышеловку, нужно сделать его аппетитным на вид, хотя бы чуть-чуть. Срезать плесень или положить так, чтобы мыши она была не видна. Вот и мне надо было выглядеть хорошо, будто у меня нет никаких проблем, а сделать это, оставаясь в перенаселенной квартире родителей на Очентороли-Террас,

было бы невозможно.

Ну, хорошо, хорошо: может, я все-таки могла представить, что у меня будет работа, требующая, чтобы я прикасалась к людям, касаться которых не хочу.

Но какая женщина такого избежала? Надо думать, ты и сама делала это, когда вышла замуж за Милтона Шварца. Потому что к тому Милтону Шварцу, которого я когда-то знала, невозможно испытывать любовь, о коей рассказывается в волшебных сказках.

Это было – могу вспомнить, если подсчитаю, в каком возрасте тогда были мои мальчики, – поздней осенью 1964 года, когда воздух уже начинал немного холодать. На тебе была черная шляпка-таблетка без вуали. Наверняка люди говорили тогда, что ты похожа на Джеки Кеннеди, и я готова поспорить, что тебе это нравилось, хотя ты и отрицала, смеясь и переспрашивая:

– Кто, я?

Ветер ерошил твои волосы, но только чуть-чуть, поскольку ты покрывала прическу лаком. Черное пальто с мехом на манжетах и воротнике. Поверь, я хорошо помню то пальто. И надо же, Милтон в тот день был так похож на своего отца, и я вдруг поняла, что, когда была ребенком, старший мистер Милтон был довольно-таки молод и довольно-таки красив. Мне, девчонке, покупавшей в его магазине конфеты, он казался стариком. А ведь тогда ему еще не было даже сорока. Теперь же мне было двадцать шесть,

а Милтону где-то под сорок, и рядом с ним была ты, и меня напрягало, что он сумел отхватить себе такую красивую женщину. Возможно, теперь он стал приятнее как человек, подумала я. Люди меняются, и еще как. Лично я изменилась. Просто никто никогда этого не узнает.

Что же тогда увидела ты? Не могу вспомнить, что на мне было, но могу предположить. Пальто, слишком тонкое, так что оно толком не грело даже в тот нехолодный день. Вероятно, взятое из церковного ящика для пожертвованной одежды, поэтому ткань покрывали катышки, а подол отвисал. Ботинки тогда я носила потертые, со стоптанными каблуками. А твои были черными и блестели. Мои ноги были голы, а твои затянуты в чулки, которые чуть ли не мерцали.

Глядя на тебя, я поняла: чтобы подцепить мужчину с деньгами, необходимо выглядеть так, будто деньги мне не нужны. Необходимо найти работу в таком месте, где сдачу дают купюрами, а не кидают мелочью на стол. Но загвоздка в том, что в таких заведениях не берут на работу негритянок, не нанимают в официантки. В тот единственный раз, когда мне довелось работать в ресторане, я трудилась судомойкой в подсобке, отрезанная от источника чаевых. К тому же в самых лучших ресторанах для обслуживания клиентов за столиками вообще не нанимают женщин, даже белых.

Надо было подойти к делу творчески, найдя работу, где

можно встретить таких мужчин, которые помогли бы мне приодеться. Тогда бы я стала более желанной для тех, кто действительно играет по-крупному, что позволило бы повысить свою цену и продавать себя все дороже, дороже и дороже. Я знала, что это значит, знала, что мне придется делать, чтобы получить все это. Я перестала быть девчонкой, об этом свидетельствовало наличие сыновей.

Так что когда ты заметила меня – точно заметила, я уверена, поскольку наши взгляды встретились, – то увидела мою убогую одежду, но увидела также и зеленые глаза, и прямой нос. Увидела то самое лицо, благодаря которому я и получила свое прозвище, хотя позднее я встретила мужчину, сказавшего мне, что я напоминаю ему не царицу, а герцогиню и что при крещении меня следовало бы назвать Хелен, поскольку я так прекрасна, что из-за меня могла бы начаться война³. И разве она не началась? Не знаю, как еще это можно обозначить. Не такая уж и большая война, но все же такая, когда мужчины нападают друг на друга, союзники становятся врагами. И все из-за меня.

В один миг ты показала мне, где я хочу оказаться и как туда попасть. У меня имелся еще один шанс. Еще один мужчина.

В тот день я и представить себе не могла, что наши пути пересекутся опять, как бы тесен ни был Балтимор. Ты

³ Отсылка к Елене Прекрасной из «Илиады» Гомера, из-за которой началась Троянская война.

была просто женщиной, которая вышла замуж за вредного подростка, изводившего меня в детстве, и теперь тот гадкий юнец стал красивым мужчиной, хоронящим своего отца. Вот такой муж мне и нужен, подумала я. Нет, конечно, не белый, но такой, который купит мне пальто с мехом на манжетах и воротнике и которого все будут уважать. Женщина хороша лишь настолько, насколько хороша мужчина рядом с ней. Скажи я такое в присутствии отца, он дал бы мне пощечину и заставил бы отыскать и выучить наизусть все библейские стихи, где говорится о суете, тщеславии и гордыне. Но дело вовсе не в тщеславии. Мне был нужен такой мужчина, который помог бы заботиться о моих мальчиках. Обеспеченному мужчине нужна красивая женщина, вот что я поняла в тот день. Ты находилась тогда рядом с Милтоном, чтобы утешить его и помочь ему проводить отца в последний путь, но, кроме того, ты была рекламой его работы и успеха. Поверить не могу, что год спустя ты оставила мужа, но смерть меняет людей.

Видит бог, моя собственная изменила меня.

Когда я была жива, меня звали Клео Шервуд. После смерти же я стала Леди в озере, жутким исковерканным трупом, вытащенным из фонтана после того, как он пролежал в воде несколько месяцев – всю холодную зиму, затем весну с ее неустойчивой погодой, – почти до самого лета. У меня не осталось лица и изрядной части тела.

И никому не было до меня дела, пока не явилась ты, не

дала мне это дурацкое прозвище и не начала стучаться в двери, докучать людям и лезть туда, где тебе были не рады. Ожидалось, что на меня плюнут все, кроме моей семьи. На цветную, что пошла на свидание не с тем мужчиной, и после ее никто не видел. Но в конце моей истории в дело вступила ты и превратила мой конец в свое начало. Зачем тебе это было нужно, Мэдли Шварц? Почему ты не могла и дальше жить в красивом доме, состоять во вполне сносном браке, оставив меня на дне фонтана? Там я была надежно укрыта.

И все были в безопасности, пока я была там.

Мэдди

Октябрь 1965 года

– Что? Ты пригласил на ужин Уоллеса Райта? Как это понимать?

Мэдди Шварц захотелось взять эти свои слова обратно, едва они сорвались с языка. Она никогда не вела себя так, как женщины в телевизионных эстрадных шоу и песнях. Никогда не брюзжала, не пилила, не строила козней, не плела интриг. Ей не требовалось напоминаний, чтобы подправить прическу и макияж, когда муж возвращался домой в конце дня. Мэдди Шварц гордилась своим всегдашним спокойствием, уверенностью в себе. Муж пригласил к ним в гости своего начальника, предупредив лишь в самый последний момент? Явился в компании двух никогда прежде не упоминавшихся кузенов из Толидо или в обществе своего старого друга, с которым он учился в старшей школе? Мэдди всегда была готова их принять, решив все возникающие проблемы. Она вела хозяйство, как когда-то ее мать: ловко и без усилий – вернее, без таких усилий, которые бросались в глаза.

Но, в отличие от своей матери, она творила эти чудеса, не ограничивая себя в расходах. Рубашки Милтона стирались в лучшей прачечной северного Балтимора, хотя та находилась в нескольких милях от ее обычных маршрутов. (Она отвозила их туда, а он получал.) Дважды в неделю к ним прихо-

дила уборщица. Свои «знаменитые пышки» Мэдди пекла из полуфабрикатов, морозильник всегда был забит. Для наиболее грандиозных из устраиваемых Шварцами вечеринок она пользовалась услугами банкетных фирм – в частности, это относилось к приему для коллег Милтона по юридической фирме, который они устраивали на Новый год, и к весенней вечеринке, закаченной как-то раз экспромтом и имевшей такой успех, что они почувствовали себя обязанными повторять ее каждый год. Люди были в восторге от весенней вечеринки и говорили о ней потом целый год, предвкушая повторение.

Да, Мэдди Шварц отлично умела принимать гостей и поэтому делала это с удовольствием. Особенно гордилась тем, что может устроить ужин с гостями, почти не имея времени на подготовку. Даже если тот или иной гость не вызывал у нее энтузиазма, она никогда не брюзжала. Так что Милтон имел полное право удивиться тому недовольному тону, которым она ответила ему на склоне этого октябрьского дня.

– Я думал, ты будешь рада, – сказал он. – Ведь он довольно-таки... ну, знаменит.

Мэдди перестроилась быстро.

– Не обращай внимания. Просто беспокоюсь, что он привык к более изысканным ужинам, чем тот, что я могу приготовить за такое короткое время. Но, возможно, ему бы понравились мясной рулет и картофельная запеканка? Полагаю, если ты Уоллес Райт, то тебе подадут одних только ома-

ров «Термидор»⁴ и стейки «Диана»⁵.

– Он говорит, что немного знал тебя. По школе.

– О, между нами была разница в несколько лет, – ответила Мэдди, зная, что великодушный муж делает вывод о том, что Уоллес Райт старше ее. На самом же деле тот был на два класса младше – и на много ступенек ниже ее в иерархической лестнице старшей школы Парк-скул.

Тогда его звали Уолли Вайс. А теперь, включив WOLD-TV, ты почти наверняка попадал на Уоллеса Райта. Он вел полуденное шоу канала, беря интервью у знаменитостей, находящихся в Балтиморе проездом, а также был ведущим «Вечернего Райта», относительно молодой передачи, принимающей претензии потребителей. Кроме того, в последнее время, когда популярный вечерний ведущий WOLD Харви Паттерсон брал выходной, что случалось нечасто, Уоллес заменял его.

И, хотя в WOLD тщательно оберегали этот секрет, Уолли также исполнял роль безгласного клоуна, который вел «Донадио», анимационное шоу по субботам. Донадио, этот лишенный божьей искры ответ Балтимора на клоуна Бозо⁶, никогда не говорил, и его лицо было спрятано под толстым сло-

⁴ Способ сервировки омаров, когда их мясо смешивается с винным соусом и зафаршировывается обратно в панцирь.

⁵ Стейки под соусом на основе их собственного сока, выделенного при жарке.

⁶ Популярный американский образ клоуна с лысиной посередине головы и огненными хохлами по бокам.

ем грима, но Мэдди сумела разглядеть, кто скрывался там, когда Сет был ребенком и смотрел это шоу.

Теперь Сет учился в старшей школе, и Мэдди уже много лет не смотрела ни «Донадио», ни WOLD вообще. Она предпочитала WBAL, наиболее популярный канал Балтимора.

– Этот Уоллес Райт славный парень, – продолжал Милтон. – И совсем не зазнайка. Я рассказывал тебе, мы с ним иногда играем в новом теннисном клубе в Кросс-Киз.

Милтон любил при случае похвастаться своими знакомствами с видными людьми, даже если это была всего лишь игра в теннис с не очень известной телеперсоной. Милый Милтон, благоговеющий перед кумирами. Мэдди никогда не укоряла его за чрезмерное преклонение перед знаменитостями, поскольку сама извлекала из этого немалую пользу. Ведь даже теперь, через восемнадцать лет брака, он иногда, забывшись, смотрел на нее так, будто не мог взять в толк, каким образом ему достался такой ценный приз.

Она любила его, правда любила, у них была гармоничная совместная жизнь, и хотя на людях, как и полагалось хорошей матери, сетовала на то, что через два года единственный сын оставит родительский дом и уедет в универ, на самом деле она не могла дождаться, когда это произойдет. У нее было такое чувство, будто до сих пор она жила в одной из диорам, помещенных в коробки из-под обуви, которые Сет изготавливал, учась в начальной школе – вернее, их изготавливала она сама, – теперь с диорамы снимали крышку, убирали

стенки. Недавно Милтон начал брать уроки летного мастерства и спрашивать ее, не хочется ли ей иметь второй дом во Флориде. Какую сторону этого штата она предпочитает: атлантическое побережье или берег залива? Какой город: Боку или Нейплз?

Неужели выбор так ограничен? – невольно начинала гадать она. – *Две стороны Флориды? Ведь мир куда шире.* Но Милтону она сказала только одно – что предпочла бы Нейплз.

– До скорого, дорогой. – Она повесила трубку и наконец позволила себе вздохнуть.

Конец октября, и пора еврейских праздников закончилась-таки. Она устала от приема гостей, ей надоело, что из-за них приходится то и дело отступать от привычного распорядка дня. На еврейский Новый год Рош ха-Шана⁷ и Йом-Киппур⁸ полагалось предаваться размышлениям, подводить итоги, но Мэдди уже не помнила, когда в последний раз удавалось помолиться перед завтраком. Жизнь наконец-то вернулась в привычную колею, и вот Милтон опять хочет привести в дом гостя, и к тому же этим гостем будет не кто иной, как Уолли Вайс.

Однако было важно приготовить такой ужин, чтобы *Уоллес Райт* был впечатлен. Куриные грудки, лежащие в моро-

⁷ В 1965 г. праздновался 26–28 сентября.

⁸ Важнейшее событие в религиозном календаре иудаизма, время покаяния и искупления грехов; в 1965 г. пришлось на 5–6 октября.

зилке, могут подождать еще один день, решила она, а мясной рулет, даже если подать его с картофельной запеканкой, – это все же не совсем то. Мэдди знала один ловкий способ приготовить говядину в горшочке, которая нравилась всем и которую гости всегда съедали подчистую. Никто из них не догадывался, что ключевой ингредиент здесь – две банки грибного крем-супа «Кэмпбеллс» и щедро добавленное вино. Хитрость заключалась в том, чтобы подать блюдо вкупе с такими вещами, которые бы говорили о фешенебельности и тщательной подготовке – сухим печеньем из пекарни «Хатцлерз», лежащим в морозилке специально для таких случаев, салатом «Цезарь», куда Милтон добавлял сыр и соус прямо за столом, как это делают официанты в ресторане «Маркони». А за тортом она отправит Сета в заведение Голдмана. Это даст ему возможность потренироваться в управлении автомобилем. Скажет ему, что он может поесть любой фастфуд, какой только пожелает, и он, конечно же, выберет что-нибудь некошерное, но для Милтона важна кошерность только того, что естся в доме.

Мэдди проверила бар, но там все было в порядке: напитков у них, как всегда, полно.

Перед ужином будет подано два раунда коктейлей – надо будет сопроводить их чем-нибудь изысканным с орехами или, быть может, подать треугольные тосты с паштетом. За ужином будет рекой литься вино, а после – бренди. На ее памяти Уолли не пил; правда, она не общалась с ним с того

лета, когда ей исполнилось семнадцать. Тогда никто из них не пил спиртное. Теперь же все знакомые Мэтти делали это.

Он, конечно же, будет не таким, как тогда. Все меняются, а особенно это относится к прыщавым мальчикам-подросткам. Говорят, что мир принадлежит мужчинам, но никто никогда не скажет, что мир принадлежит *мальчикам*. Особенно ясно Мэдди осознала эту истину, когда Сет начал учиться в старшей школе. Тогда она сказала ему, что надо потерпеть и в конце концов он станет таким же высоким, как его отец, а лицо у него сделается чистым и красивым, и теперь эти предсказания уже сбылись.

Но сказать такое жалкому маленькому Уолли она бы не смогла. Как он тогда вздыхал по ней! Она использовала это его влечение для своей выгоды, но ведь так поступают все девушки, это в порядке вещей. Кого он пытается обмануть? Возможно, он стал выше, избавился от прыщей, привел в порядок непокорные волосы, но ведь все в северном Балтиморе знают, что он еврей. *Уоллес Райт*, как же!

Женат ли Уолли? Мэдди что-то такое помнила о его жене; возможно, они развелись. И его жена точно не еврейка. Для равновесия на сегодняшней ужин надо будет пригласить еще одну пару, Розенгренов: уж они-то наверняка будут смотреть на Уолли круглыми от восхищения глазами, что самой Мэдди не под силу. Она никогда не сможет смотреть на Уолле-са Райта и не видеть в нем Уолли. Интересно, так ли обстоит дело и с ним самим? Увидит ли он в ней сегодняшней, в

Мэдди Шварц, прежнюю Мэдди Моргенштерн? И сочтет ли, что нынешняя версия лучше? Она была очень красивой девушкой, с этим не поспоришь, но и ужасно, можно сказать, катастрофически наивной. А после двадцати целиком погрузилась в воспитание сына, ей даже грозила перспектива стать одной из этих дурно одетых, не следящих за собой особ.

Теперь, когда ей стукнуло тридцать семь, она наслаждалась и преимуществами молодости, и теми, которые давали ей зрелость и ее нынешнее положение. Глядя на себя в зеркало, она видела красивую женщину, все еще молодо выглядящую и имеющую средства для поддержания молоджавости и красоты. У нее была одна седая серебристая прядь, которую она решила считать стильной. Остальные седые волосы она удаляла.

Когда она в тот вечер открыла дверь перед Уолли, его откровенное восхищение пришлось ей по душе.

– Юная леди, ваша мать дома?

А вот это уже вызвало раздражение. Слишком уж очевидная лесть, такое можно было бы сказать какой-нибудь жеманной бабульке, наложившей чересчур много румян. Неужели Уолли в самом деле полагает, будто ей нужен такого рода фимиам? Мэдди попыталась скрыть свое недовольство, подавая первый раунд напитков и закусок.

– Вы в самом деле знали друг друга, когда учились в Парк-скул? – спросила Элинор Розенгрэн, одним глотком выпив первый коктейль. Розенгрены, как и Милтон, учились в го-

сударственной старшей школе.

– Да, немного, – ответила Мэдди со смехом, призванным сказать: *это было так давно, давай не будем вгонять остальных в скуку.*

– Я был в нее влюблен, – сказал Уолли.

– Ничего подобного. – Она опять засмеялась, испытывая раздражение – и не чувствуя себя польщенной. Напротив, чувствовала себя осмеянной, как будто он собирался отколочь шутку на ее счет.

– Разумеется, я был влюблен. Неужели ты не помнишь – повел тебя на школьный бал, когда этот, как его, прокатил тебя?

Милтон бросил на нее удивленный взгляд.

– О, нет, он меня не прокатил, Уолли. Извини, *Уоллес*. За две недели до бала мы с ним расстались – это совсем не то, что прокатить. – Она бы вообще не пошла на этот бал, если бы не новое платье. Стоило 39 долларов 95 центов – отец был бы возмущен, если бы дочь его так и не надела после всех своих просьб купить.

Она не стала упоминать то имя, которое Уолли забыл. Его звали Аллан. Аллан Дерст-младший. Когда они еще только начинали встречаться, его фамилия звучала достаточно по-еврейски, чтобы удовлетворить мать. Его отец вроде бы был евреем. Но миссис Моргенштерн не дала себя обмануть и все поняла, узрев парня воочию.

– Он не из тех, с кем стоит заводить серьезные отноше-

ния, – сказала она, и Мэдди не стала спорить. Тогда у нее начинались серьезные отношения, чьи шансы на получение одобрения ее матери были еще меньше, чем шашни с Алланом Дерстом-младшим.

– Перейдем в столовую? – спросила Мэдди, хотя гости еще не допили свои коктейли.

Уолли – Уоллес – был самым молодым из тех пятерых, кто сидел за столом, но он явно привык к тому, что другим людям хочется узнать его мнения. Готовые угождать ему Розенгрены засыпали его вопросами. Кто будет баллотироваться в губернаторы? Что он думает по поводу последнего неуместного высказывания Агню?⁹ По поводу уровня преступности в Балтиморе? Какова на самом деле Джипси Роуз Ли?¹⁰ (Недавно она посетила Балтимор с целью раскрутки своего ток-шоу, идущего по нескольким каналам по всей стране.)

Хотя Уоллес и был профессиональным интервьюером, он не очень-то стремился задавать вопросы другим. Когда мужчины высказывали свои мнения по поводу текущих событий, он с покровительственным видом слушал, после чего

⁹ Спиро Теодор Агню (1918–1996) – в описываемое время видный деятель Республиканской партии в Мэриленде, впоследствии губернатор Мэриленда, затем, при Ричарде Никсоне, вице-президент; один из столпов консервативной политики в США.

¹⁰ Джипси Роуз Ли (наст. имя Роуз Луиза Ховик; 1911–1970) – американская актриса, звезда кабаре и стриптиза, писательница; несколько лет вела свое ток-шоу на ТВ (1965–1968).

выражал несогласие. Мэдди попыталась перевести разговор на обсуждение романа, который она недавно читала, «Стерегищие дом»¹¹, где великолепно описывалась суть расовой проблемы на Юге, но Элинор сказала, что так и не смогла дочитать его до конца, а мужчины вообще никогда о нем не слыхали.

Однако Мэдди полагала: званый ужин удался на славу. Милтон был в восторге от того, что у него появился знаменитый приятель, Розенгрены были очарованы Уоллесом. И тот, похоже, тоже испытывал к ним искреннюю симпатию. Позднее, когда свет в гостиной был притушен настолько, что огоньки сигарет стали выглядеть как медлительные светлячки, и когда Уоллес уже выпил немало бренди, он вдруг сказал:

– А ты, Мэдди, устроилась неплохо.

Неплохо? *Неплохо?*

– Только представь себе, где бы ты сейчас была, если бы вышла замуж за того малого, за Дерста. Он работает копирайтером.

Она ответила, что после окончания старшей школы ни разу не встречалась с Дерстом-младшим, что было правдой. А затем добавила, что знает о его работе из информационного листка с новостями о выпускниках Парк-скул, что было неправдой.

¹¹ Роман американской писательницы Ширли Энн Грау, вышедший в 1964 году и получивший Пулитцеровскую премию.

– Я не слышал, что в старшей школе у тебя была большая любовь, – заметил Милтон.

– Это потому, что ее не было, – ответила Мэдди тоном более резким, чем хотела.

К одиннадцати часам они попрощались с гостями, подвыпившими и нетвердо держащимися на ногах, уверив их, что встречу надо непременно повторить. Милтон рухнул в кровать, сваленный с ног выпивкой и обилием положительных эмоций. При обычных обстоятельствах Мэдди предоставила бы уборку девушке, которая приходила в их дом по пятницам. Оставить после ужина посуду невымытой – не преступление, если ты ее сполоснула, – хотя Тэтти Моргенштерн никогда не оставляла в мойке даже одной-единственной невымытой вилки.

Но сегодня Мэдди решила, что уберет все сама.

В прошлом году кухня была обставлена и оборудована заново. Мэдди так гордилась, когда модернизация была завершена, так радовалась новым кухонным приборам, но радость быстро сошла на нет. Сейчас переоборудование казалось бессмысленным, бесполезным. Зачем было это затевать, кому нужна вся эта встроенная новейшая техника? Ведь она нисколько не экономит время, хотя изменение конфигурации шкафов и полок и помогает хранить отдельно и не смешивать два набора посуды.

Уолли выразил удивление, когда во время подачи на стол салата узнал, что в доме едят только кошерные блюда; тем

самым они отдавали дань традициям, в которых был воспитан Милтон. У них было два набора посуды, они никогда не смешивали молочное и мясное, не ели свинину, а также моллюсков и ракообразных – не так уж сложно, и Милтон доволен. Его преданность вполне заслуженна, говорила она себе, промывая хрусталь со средством для мытья посуды и вытирая хороший фарфор.

Повернувшись, чтобы выйти из кухни, она задела локтем бокал, сушившийся на мойке. Тот упал на пол и разбился.

Полагается разбить стакан¹².

О чем ты?

Неважно. Я все время забываю, какая ты дикарка.

На уборку всех осколков с помощью веника и совка ушло еще пять минут. Когда закончила, было уже почти два ночи, но она все равно долго не могла заснуть. Мозг лихорадочно работал, перебирая несделанные дела. В ее настоящем не было таких дел, все то, что она не сумела сделать, относилось к тому времени двадцать лет назад, когда она познакомилась с Уолли – и со своей первой любовью, о коей мать так никогда и не прознала. Тогда она поклялась, что станет – кем? Творческой личностью, самобытной и плюющей на общественное мнение. Она – они – станут жить в Нью-Йорке,

¹² Один из обрядов традиционной еврейской свадьбы – жених растаптывает завернутый в ткань стакан (порой заменяется лампочкой; в английском слова «стакан» и «стекло» одинаковы – «glass»).

в Гринвич-Виллидж¹³. Он обещал. Собирался увезти ее из скучного чопорного Балтимора ради жизни, полной страсти и посвященной искусству и приключениям.

Все эти годы она старалась не думать о нем. Но теперь он вернулся. Как пророк Илия, явившийся на Седер Песах¹⁴ за оставленным для него вином.

Мэдди заснула, пытаясь высчитать наилучшее время для того, чтобы уйти от мужа. В следующем месяце у нее день рождения. Может, в декабре? Нет, в праздники нельзя, хотя Ханука¹⁵ и не относится к тем праздникам, которые важны. Февраль? Нет, слишком поздно. Январь тоже не годится, это было бы насмешкой над традицией новогодних обещаний. 30 ноября, решила она. Она уйдет 30 ноября, через двадцать дней после своего тридцать седьмого дня рождения.

Полагается разбить стакан.

О чем ты?

Неважно.

¹³ Часть Манхэттена, почти весь XX в. являвшаяся кварталом артистической богемы.

¹⁴ Торжественная трапеза во время еврейской Пасхи, чьей традиционной частью является приготовление специальной чаши вина для Илии, который, как считается, посещает в этот день каждый еврейский дом.

¹⁵ Иудаистский праздник освящения Храма; совпадает с рождественскими праздниками (по католическому и протестантскому церковным календарям).

Однокашник

Я сжимаю руль новенького «Кадиллака», говоря сам с собой всю дорогу от дома Мэдди до своего, хотя это и недалеко: через Гринспринг, мимо Парк-скул, нашей альма-матер – хотя в наше время она находилась в другом месте, – затем правый поворот на Фоллз-роуд и наконец вверх по склону холма Маунт-Вашингтон. Разговариваю сам с собой, как это делают тренеры, хотя в школе я никогда не состоял ни в одной из спортивных команд – меня не брали никуда даже в качестве мальчика на побегушках. *Соберись, Уолли, соберись.*

В моем сознании я всегда остаюсь Уолли. К Уоллесу Райту все относятся с почтением, включая меня самого. Я бы не посмел разговаривать с ним так, как говорю с Уолли.

Боюсь пересечь центральную полосу и столкнуться со встречной машиной, а может, произойдет и что-нибудь похуже. *Ведущий WOLD арестован за ДТП со смертельным исходом неподалеку от его дома на северо-западе Балтимора.*

– Журналист не может закончить свою карьеру, попав в заголовки новостей, Уолли, – говорю я себе. – Соберись.

Если полицейский остановит меня, это будет почти так же скверно. *Ведущий WOLD арестован за вождение в пьяном виде.* Новостью это станет только потому, что в деле замешан ведущий программы новостей. Кто время от времени не садится за руль под мухой? Но полицейский также может от-

пустить меня и даже попросить автограф.

Интересно, где Мэдди научилась так пить? Думаю, все дело просто-напросто в практике. А у меня никогда не было возможности выработать привычку пить коктейли, поскольку я редко приезжаю домой позже восьми, а на следующий день надо быть на работе к девяти и в полдень выходить в эфир. Такой распорядок дня не располагает к потреблению спиртного. И не годится для семейной жизни.

В полночь на Маунт-Вашингтон так темно, так тихо. Как я мог не замечать этого раньше? Единственный звук – хруст осенних листьев под колесами машины. К тому времени, когда я медленно еду по Саут-роуд, мне уже кажется, что разумнее всего припарковаться на обочине, не пытаясь заехать на подъездную дорогу, не говоря уже о гараже.

Почему я оставался у них до столь позднего часа? Разумеется, не из-за беседы, которую определенно нельзя было назвать такой уж интересной. *А потому, что не каждый день выпадает возможность показать своей первой любви, какую большую ошибку она совершила.*

Если бы сегодня утром вы спросили меня – а люди спрашивают меня о многом, и вы бы удивились, узнав, каким авторитетным оракулом я слышу, – я бы совершенно искренне ответил, что никогда не думаю о Мэдди Моргенштерн.

Но, увидев ее на пороге, я понял, что она всегда была со мной, что именно она всегда была моей аудиторией. Она находится рядом, когда с понедельника по пятницу с полудня

до двенадцати тридцати я выхожу в эфир, ведя дневной выпуск новостей. И вечером по средам, когда я веду передачу «Райт спешит на помощь». Когда мне выпадает возможность вести вечерние новости вместо Харви Паттерсона, работа которого когда-нибудь достанется мне, Мэдди каким-то образом удается совмещать в одном лице и себя семнадцатилетнюю, и себя нынешнюю, домохозяйку, живущую в пригороде и, переделав домашнюю работу, сидящую у себя дома с чашкой кофе, смотря шестой канал и думая: *Я могла бы быть сейчас миссис Уоллес Райт, если бы сделала правильный выбор.*

Она остается моей аудиторией, даже когда я накладываю на лицо клоунский грим, чтобы играть роль Донадио, печального и всегда безмолвного клоуна, благодаря которому я и стал телеведущим на WOLD-TV.

Я работал на радио, где меня ценили из-за красивого баритона, но считали нетелегеничным. Роль Донадио давала мне лишние 25 долларов в неделю. Единственным условием было то, что я не должен никому говорить, что исполняю эту роль, и я помалкивал, делая это с превеликим удовольствием.

Как-то в субботу, когда я снимал с лица грим, поступила новость об убийстве полицейского, а из репортеров на студии оказался один я. Каким-то образом за те год и два месяца, на протяжении которых я играл роль Донадио, я стал выше, мои волосы стали глаже, а лицо, как ни парадоксаль-

но, чище. Возможно, начав выступать в клоунском гриме, я научился лучше очищать кожу лица. Короче говоря, теперь лицо и тело наконец пришли в соответствие со звучным баритоном. Я поехал на место преступления, собрал факты – и в результате на небосклоне взошла новая звезда. Не Мэдди, не тот придурок, с которым она встречалась в старшей школе, не ее приятный муж-адвокат. А я, Уолли Вайс. Я звезда.

Мы познакомились – кто бы мог подумать – в школьном любительском радиоклубе. И быстро выяснили, что оба испытываем глубочайшее восхищение перед Эдвардом Р. Марроу¹⁶, чьи репортажи из Лондона во время войны произвели на нас огромное впечатление. До этого я никогда не встречал девушки, которой бы хотелось поговорить о Марроу и журналистике, тем более такой хорошенькой девушки. Это было как с первым увиденным тобой великим произведением искусства, ошеломившим тебя, как с тем прочитанным романом, который остается в памяти на всю жизнь, даже если другие оказались намного лучше. Я лишь с трудом заставлял себя не глазеть на нее с раскрытым ртом.

Появление Мэдди в нашем любительском радиоклубе оказалось первым и последним – она думала, что там собираются люди, интересующиеся художественным словом и радиожурналистикой, а не неудачники, которым нравится гонять балду. Она переключилась на школьную газету, быстро

¹⁶ Эдвард Роско Марроу (наст. имя Эгберт Роско Марроу) – легендарный американский телерадиожурналист и общественный деятель.

заполучила в ней собственную колонку и начала общаться со считающими себя крутыми и понтовыми ребятами и девушками из нееврейских семей, включая Аллана Дерста. Понятное дело, Моргенштерн не могла иметь с ним серьезных отношений, но ее родителям хватило ума не мешать ей крутить школьный роман. Я слышал, они даже пригласили его родителей к себе домой на шаббат. Мать Аллана была известной художницей, писавшей огромные абстрактные картины, которые выставлялись в музеях, а отец – умелым портретистом, специализирующимся на богатых балтиморских вдовах.

Аллан бросил Мэдди прямо накануне выпускного бала. Я нашел ее плачущей в пустом классе, и когда она разоткровенничалась со мной, счел это честью. И предложил, чтобы она пошла на бал со мной.

– Что может стать для него большим оскорблением? – спросил я, глядя ее по спине почти так же, как делал бы это с младенцем, которому надо помочь отрыгнуть. Ладонь скользила при этом по застёжке бюстгальтера, что стало для меня самым ярким эротическим опытом из всех, что были до тех пор.

Она согласилась с моим планом с готовностью, от которой почти защемило сердце.

Я купил ей наручную бутоньерку с самой дорогой орхидеей, которую только можно было раздобыть в Балтиморе. Она отлично играла роль моей девушки, не обращая внимания на Аллана, который явился на бал один, и смеялся над

моими шутками, как будто я Джек Бенни¹⁷. Один раз Аллан подошел к ней и пригласил на танец, «вспомнить старые добрые времена». Мэдди склонила голову набок, как будто тщи́лась припомнить, о каких таких старых добрых временах идет речь, затем сказала:

– Нет, нет, я предпочитаю провести этот вечер с *моей парой*.

Я кружил ее в танцах, чувствуя себя молодым Фредом Астером¹⁸. Если вдуматься, Астера нельзя назвать классическим красавцем. Не был он и таким уж высоким, не был атлетом. Но он был *Астером*.

Когда я вез ее домой в «Бьюике» моего отца, она придвинулась ко мне и положила голову на плечо. И призналась, что хочет стать настоящим писателем, писать стихи и художественную прозу, что показалось мне таким же волнительным, как и поцелуй, самый настоящий поцелуй, когда я посадил ее у двери дома. Вернувшись в машину, я обнаружил, что цветок с бутоньерки отвалился от ленты. Быть может, его аромат был всего лишь обычным ароматом орхидеи, но у меня было такое чувство, будто это отличительный запах Мэдди, присущий ей одной и такой же необыкновенный, как ее приглушенный хриловатый голос. Мэдди никогда не жа-

¹⁷ Джек Бенни (наст. имя Бенджамин Кубельски; 1894–1974) – американский комик, актер радио, кино и телевидения, музыкант; один из самых известных в мире конферансье.

¹⁸ Фред Астер (наст. имя Фредерик Аустерлиц; 1899–1987) – звезда Голливуда, один из наиболее знаменитых актеров киномюзиклов.

ловалась и вообще не вела себя как девчонка. Она была полна достоинства, в ней было что-то царственное, и в представлении на Пурим она всегда играла царицу Эсфирь¹⁹.

Я позвонил ей через три дня, чтобы пригласить в кино, уже на настоящее свидание, посчитав, что три дня – это самое оно. Не слишком навязчиво и не слишком отстраненно. В духе фильмов с Фредом Астером.

Ее тон был вежлив, но в нем звучало недоумение.

– Уолли, с твоей стороны очень мило побеспокоиться обо мне, – сказала она. – Но со мной все в порядке.

Не прошло и года, как она обручилась с Милтоном Шварцем, высоким, волосатым, старше ее – ей тогда было восемнадцать, а ему двадцать два, и он уже закончил первый курс школы права. Я присутствовал на свадьбе, и это было все равно что смотреть, как Элис Фей²⁰ убегает с Кинг-Конгом.

После этого я не думал о Милтоне Шварце почти двадцать лет и вдруг столкнулся с ним в раздевалке нового теннисного клуба, единственном месте, где мне было удобно заниматься спортом перед работой, поскольку клуб поблизости от Телевизионного холма. У нас хорошо получалось играть друг с другом, и было очевидно, что Милтону нравится иметь в приятелях знаменитость. Прошло совсем немного времени,

¹⁹ Пурим – иудейский праздник в честь избавления евреев от истребления персами в V в. до н. э.; одну из ключевых ролей в этом сыграла героиня Ветхого Завета Эсфирь, жена шахиншаха Артаксеркса I.

²⁰ Элис Фей (наст. имя Элис Джин Лепперт; 1915–1998) – американская кино- и радиозвезда, певица.

когда он пригласил меня на ужин к себе домой.

– Ничего особенного, – сказал он. – Будет только жена и, возможно, соседи. Приходи с кем хочешь.

Мы с Беттиной вот уже два года как развелись, и хотя я встречаюсь с женщинами, серьезных отношений нет. И я решил явиться на ужин в одиночестве, как Аллан на том выпускном балу. Милтон знал, что я учился в той же старшей школе, что и миссис Шварц, но сказал, что жена никогда не говорила с ним обо мне. Известие о том, что Мэдди никогда не хвасталась нашим знакомством, не деморализовало меня – напротив, я счел, что это хорошо. Раз никогда не говорила своему мужу, что знает меня, значит, время от времени предается фантазиям о том, что могло бы быть. Сидя за кухонным столом с чашкой кофе, держа в руке горящую сигарету, она заново переживает тот бал и мой телефонный звонок три дня спустя и кусает локти из-за того, что не сказала «да». Темные волосы наверняка преждевременно поседели, осиная талия осталась в прошлом, и теперь она растолстела и обрюзгла. Оказалось, это не так, но я представлял ее себе именно такой.

Я удивился, обнаружив, что в доме подают только кошерную еду. Никогда специально не дистанцировался от иудаизма, но телеперсона вроде меня должна находиться на одной волне со своей аудиторией, а моя аудитория по большей части состоит из христиан. Ничего не поделаешь, если на тебя смотрят как на оракула, считают авторитетом, то прихо-

дится чем-то поступаться. Впрочем, Шварцев никак не назовешь ортодоксальными евреями, и насколько я могу судить, их единственной уступкой иудаизму стал отказ смешивать молочное с мясным. Я был немного шокирован тем, что они говорили о более религиозных евреях, живущих в районах южнее, на Парк-Хайтс-авеню. Явно смотрели на них свысока. Если хотите знать мое мнение, нет больших антисемитов, чем евреи, принадлежащие к среднему классу.

Но мы не так уж много говорили об иудаизме – беседовали о политике, и Шварцы и их гости неизменно прислушивались к моим суждениям, как бывает всегда. Мы посмеялись над последним ляпом Агню, его речью в Геттисберге, показавшей, что он не в курсе, какая из сторон победила в той битве²¹. К тому моменту, когда после ужина мы принялись пить бренди, все уже были настроены благодушно и болтали без всяких церемоний. И я решил, что не будет вреда, если я припомню тот выпускной бал и последующий отказ Мэди пойти на свидание со мной.

И она стала отрицать. Заявила, что я ей не звонил.

Да, она подтвердила, что на балу мы были вместе, но категорически утверждала, что я никогда ей не звонил. Хотя я точно знаю, что звонил.

– Потому что я, конечно же, пошла бы на свидание с то-

²¹ Битва при Геттисберге – переломное сражение Гражданской войны в США, прошедшее в июле 1863 г. в штате Пенсильвания; армия Севера одержала в ней победу, как и во всей войне.

бой! – сказала она, приведя это в качестве аргумента правильности своей версии событий. Но не смогла не добавить ложку дегтя: – Хотя бы из вежливости.

Однако с чего ж так раскипятилась? У нее определенно не было оснований так злиться.

На крыльце я дважды, нет, трижды роняю ключи, прежде чем наконец войти. Все никак не могу взять в толк, почему Мэдди была настроена так враждебно. Может, потому, что поняла, что я вижу ее насквозь? Пусть теперь у меня нееврейская фамилия, в глубине души я остаюсь еврейским пареньком, меж тем как Шварцы с их двумя наборами посуды – всего лишь суррогат. Все в их доме имеет одну цель – пустить пыль в глаза.

В моем доме так тихо – и так пыльно – с тех пор, как Беттина съехала. Я думал, она постарается отсудить его, ведь все шесть лет нашего брака именно дом был главным предметом ее забот. Но под конец она уже не желала иметь никаких напоминаний обо мне. Детей у нас не было. До сих пор не знаю, рад я этому или нет. Наверное, ребенку было бы приятно, если бы папой у него был Донадио.

Хотя я здорово устал и так пьян, что спотыкаюсь, я иду в свой «кабинет», который для меня создала Беттина в первый год нашего брака, когда еще была полна надежд. Тут везде красное дерево и кожаная обивка плюс гравюры с изображением английских скачек, что немного смущает меня, хотя, полагаю, близость дома к ипподрому Пимлико оправды-

вает такое убранство. Книги Беттина расставила так, чтобы радовать глаз, что бесит меня, но в конце концов я все же нахожу то, что мне нужно, – старый потрепанный экземпляр «Триумфальной арки» Ремарка, задвинутый на самую верхнюю полку вместе с остальными книгами в мягкой обложке. Когда я прочитал ее в первый раз, мне захотелось писать самому, заставляя людей испытывать такие же чувства, какие чтение романов вызывало у меня. Но вместо этого я рассказываю им про погоду, пересказываю заголовки новостей и время от времени удивленно поднимаю бровь, беря интервью у очередной знаменитости.

И вот она, между страницами 242 и 243, орхидея Мэдди, бурая и хрупкая.

Разумеется, существование этого цветка еще ничего не доказывает – мы с ней оба не отрицаем, что были вместе на том выпускном балу. Для меня же это доказательство, неопровержимое доказательство... чего? Того, что все происходило именно так, как я сказал. Почему же она заявила, что этого не было? Ведь моя версия событий – как-никак свидетельство ее женского могущества, силы ее юных чар.

Но вообще-то даже хорошо, что из того свидания ничего не вышло. В тридцать пять лет я все еще молод, и моя жизнь полна возможностей. Пусть сегодня беру интервью у второразрядных знаменитостей, но когда-нибудь стану говорить с президентами и королями, возможно, даже буду работать в одной из национальных телесетей. А вот у Мэдди Шварц,

которой скоро исполнится сорок, никаких перспектив.

Мэдди

Январь 1966 года

Только когда ювелир вставил в глаз лупу, Мэдди осознала, что мысленно она уже потратила деньги, которые получит от продажи помолвочного кольца. Сколько он заплатит? Тысячу? Может, даже две?

Ей нужно много. В новой квартире две спальни, но обставлена она скудно. Она предполагала, что Сет переедет к ней. Но он отказался, заявив, что предпочитает остаться с отцом, в Пайксвилле, рядом с друзьями и школой. Даже когда она предложила отвезить его в школу на своей машине, он все равно отказался. Надо полагать, дело рук Милтона. Мэдди утешала себя тем, что жить дома ее сыну остается всего два года.

Но если бы предвидеть, что Сет не захочет переехать, она бы выбрала квартиру с одной спальней в более приличном районе. И тогда бы у нее был телефон, хотя отсутствие телефона не такая уж и трагедия. Это значит, что мать не может звонить каждый день, чтобы поговорить о будущем и о том, что Тэтти Моргенштерн неизменно называла *стесненными обстоятельствами*.

Мэдлин, теперь, когда ты живешь в стесненных обстоятельствах, тебе, вероятно, лучше начать вырезать купоны на скидки. Я видела, что в универмаге «Хохшильд» сейчас

хорошая распродажа – тебе придется привыкнуть покупать вещи на распродажах и вырезать купоны, Мэдлин, из-за твоих стесненных обстоятельств. При твоих стесненных обстоятельствах, пожалуйста, разумнее вообще не иметь машины.

Больше всего бесило то, что мать права. Все в ее новой жизни, жизни без Милтона, было меньше и хуже. Съемная квартира выглядела неплохо, но оказалось, что Джист-авеню, хотя она находилась с нужной стороны от Нортерн-Паркуэй, нельзя назвать приличным районом. Домовладелец уговорил встретиться днем, после полудня, когда вокруг безлюдно и тихо. В это время дня квартира напомнила Мэдди объемную версию картин Пауля Клее²² – теплый свет зимнего солнца нарисовал на пустом пространстве деревянного пола золотые квадраты и красиво блестел на крошечных розовато-голубых плитках в ванной. Тогда она видела только очертания и свет, пространство и перспективу.

И только начав перевозить свои вещи, обнаружила, что, хотя квартира и недурна, район, в котором она находится, является *смешанным*. И не просто смешанным, а имеющим тенденцию к преобладанию негров. Она, разумеется, без предрассудков. Несколько лет назад, будь моложе и не имей ребенка, отправилась бы на юг, чтобы участвовать в борьбе за регистрацию черных избирателей. Мэдди была по-

²² Пауль Клее (1879–1940) – немецкий художник-авангардист, в чьих наиболее известных работах преобладают геометрические фигуры, особенно квадраты.

что уверена, что поступила бы именно так. Но ей не нравилось быть такой *приметной* в теперешнем районе, одинокой белой женщиной, у которой к тому же меховое пальто. Всего лишь бобер, но мех есть мех. Сейчас оно как раз на ней. Возможно, ювелир заплатит ей больше, если она не будет выглядеть как человек, которому до зарезу нужны деньги.

Узнав ее новый адрес, Милтон заявил, что Сет вообще не может наносить ей визиты, во всяком случае с ночевкой. И сказал, что, если ей хочется, она может проводить выходные с Сетом в их старом доме, а он, Милтон, будет на это время уезжать, чтобы мать и сын могли пообщаться вдвоем. Благодарный жест, но Мэдди гадала, не начал ли Милтон встречаться с какой-то женщиной. Эта мысль вызывала у нее досаду, но она утешала себя тем, что появление в его жизни новой женщины – это, вероятно, единственное, что может убедить Милтона перестать противиться разводу.

Она так наклонилась над витриной, что от дыхания на стекле начали появляться облачка конденсата.

– Вы покупали его не здесь? – В устах ювелира это прозвучало как вопрос, но ведь она уже сообщила ему это.

– Нет, в центре города. По-моему, этот магазин закрылся – он назывался «У Штейнера».

– Да, помню. Очень модное было место. Много тратили на убранство. Мы здесь стремимся к простоте. Я всегда говорю своим сотрудникам: в ювелирном магазине блистать должны изделия, и больше ничего. Если они хорошего качества, то

нет необходимости выставлять их на бархате. Или находиться в центре города, где высока арендная плата и нет парковочных мест. Возможно, «У Вайнштейна» и не самый фешенебельный магазин, но мы-то не закрылись, и, как по мне, это уже хорошо.

– Значит, мое кольцо...

У него сделался грустный вид, но это была неискренняя грусть, продиктованная вежливостью, – как будто скончался его знакомый, которого он не очень-то жаловал при жизни, и он только делает вид, будто ему не все равно.

– Я не могу дать вам больше пятисот долларов.

Как удар кулаком в живот, хотя на самом деле Мэдди никогда никто не бил, ни кулаком, ни чем еще.

– Но мой муж заплатил за него тысячу долларов, и это было почти двадцать лет назад. – Она прибавила себе несколько лет, ведь сейчас ей тридцать семь, а замуж она вышла в девятнадцать. Но двадцать лет звучит солиднее, чем восемнадцать.

– О, в сороковых у людей был ветер в голове, не так ли?

В самом деле? В те годы она была подростком, хорошенькой девушкой, так что у нее точно был ветер в голове; для таких, как она, это естественно. Но Милтон был практичным молодым человеком, опасавшимся залезать в долги и умевшим делать инвестиции. Он бы не выбрал кольцо, не прикинув его стоимость в случае перепродажи.

Вот только Милтон никак не гадал, что оно вообще будет

продано. И самый отъявленный циник на земле не ожидает, что кольцо, которое он покупает своей невесте на помолвку, продадут. Даже мужчины, которые ухаживали за Элизабет Тэйлор, считали, что останутся с нею навсегда²³.

– Не понимаю, как кольцо, стоившее в сорок шестом тысячу долларов, может сегодня стоить вдвое меньше. – Говоря это, она осознавала, как быстро от преувеличения она перешла ко лжи, как «почти двадцать», соответствующее действительности, превратилось в ровно двадцать.

– Если вам действительно хочется знать, я мог бы прочитать вам скучную лекцию о рынке подержанных бриллиантов и нормах прибыли. Порассказать вам о чистоте и огранке камней и о том, как меняется мода. Я с удовольствием объясню вам все это, но суть не поменяется – не могу дать вам за него больше пятисот долларов.

– Мы застраховали его на две тысячи, – сказала она. Так ли это? Впрочем, звучит неплохо. А может, дело в том, что она надеялась получить за него столько.

С тех пор как она ушла, Милтон выплачивал ей содержание, но этих денег не хватало, к тому же выплаты были нерегулярны, не привязаны к определенному числу и составляли разные суммы. Поскольку она исходила из предположения, что Сет будет жить с ней, то рассчитывала на более щедрое содержание. Милтон не стал бы жалеть денег на собственно-

²³ У этой кинозвезды было семь мужей, причем за актера Ричарда Бертон она выходила дважды с небольшим перерывом.

го сына. Но поскольку Сет остался в их доме в Пайксвилле, у нее не было рычагов давления на мужа. Ей нужны деньги. Своим скупердяйством Милтон пытается заставить ее вернуться.

– Он не шутит, это в самом деле скучно, – заметила молодая женщина с рыжеватыми волосами, полирующая стекло витрины. Мэдди удивилась тому, что сотрудница магазина так дерзко говорит со своим боссом, но Джек Вайнштейн только рассмеялся.

– Не влезай, Джудит. Вот что, миссис Шварц, оставьте нам номер телефона, и если кто-то из покупателей выскажет желание посмотреть кольцо вроде вашего, возможно, мы сможем что-то придумать. Оно выполнено в таком стиле, что...

– Это классический солитер²⁴.

– Вот именно. У молодых девушек, выходящих замуж в наше время, бывают такие странные представления. Некоторые вообще не желают, чтобы им покупали кольца с камнями. – Теперь на его лице была написана вполне искренняя грусть.

– У меня пока нет телефона. Стою в очереди на установку. В телефонной компании уверяют, что очень много заявок.

Ювелир отложил свою лупу и протянул кольцо Мэдди. Ей ужасно не хотелось снова надевать его на палец. Это отдавало бы поражением не меньше, чем возвращение в Пайкс-

²⁴ То есть бриллиант, кроме которого на украшении нет никаких камней (от фр. *solitaire*, «одиночный»).

вилл. Молодая женщина по имени Джудит сразу же поняла, каково ей сейчас. Достав конверт, она сказала:

– Я бы дала вам коробку для него, но мне не под силу выслушивать нотацию моего брата относительно того, как дорого все стоит.

– Вашего брата? Это многое объясняет.

– И не говорите.

Молодая женщина была скорее не хорошенькой, а интересной. Но ее речь была забавна, а одежда так хорошо подобрана, как бывает, только если часами вертишься перед зеркалом, примеряя то одно, то другое, создавая удачные комбинации, гладя, починяя и очищая щеткой пыль. Мэдди определила это сразу, потому что и сама была такой. Стиль одежды, которому следовала эта девушка, был слишком уж перфекционистским, что немного старило ее, но она явно была очень добра, так добра, что Мэдди потребовалась вся выдержка, чтобы не разразиться слезами.

Она разрыдалась в машине.

Очень рассчитывала на эти деньги. Представляла себе, как купит новую современную кровать. Как на стене кухни будет висеть телефон, а еще один, возможно, будет стоять в спальне. Так ужасно неудобно не иметь телефона.

Но плакала она не из-за того, что не сможет что-то купить, а из-за того, что другие люди заметили, что она остро чего-то хочет. Мэдди уже давным-давно никому не показывала своих желаний. Потому что знала, насколько это опасно.

Послышался стук в окно, и Мэдди увидела лицо забавной девушки из магазина – брат называл ее Джудит. Мэдди пошарила в бардачке в поисках темных очков, надела их и опустила стекло.

– Сегодня такое яркое солнце, – сказала Джудит, вежливо найдя предлог для темных очков.

– Да, определенно. Поверить не могу, что на неделе должен пойти снег. Если верить прогнозу.

– Вот именно – если. Послушайте, хотя мы с вами и не знакомы, я, разумеется, знаю, кто вы.

Разумеется? Почему разумеется? На секунду в голове Мэдди все смешалось, ей показалось, что она та, кем чуть было не стала, семнадцатилетняя девушка, замешанная в скандале. Но нет, нет, она избежала такой участи. Но проблема в том, что слишком много всего избежала, слишком от многого увильнула и наговорила самой себе столько лжи, которой сама же и поверила. Когда Джудит сказала, что ей известно, кто Мэдди, это, вероятно, из-за разговоров в клубе, из-за этой кучки нуворишей во главе с Бэмби Брюэр. По сравнению с ними Моргенштернов можно назвать аристократией.

– Вам что-то нужно от меня?

Можно подумать, кому-то нужны советы женщины средних лет, пытающейся продать свое помолвочное кольцо. Мир так изменился. У девушки, наклонившейся над окном ее машины, не может быть таких же проблем, какие когда-то

были у нее. Сегодня молодые женщины могут заниматься сексом, ни о чем не беспокоясь, достаточно каждый день принимать противозачаточную таблетку. Разумеется, большинство их, вероятно, по-прежнему разыгрывают из себя девственниц, когда находят мужчину, за которого хотелось бы выйти, однако делают это не только ради своих мужей, но и из-за своих матерей.

– Я тут подумала, что вам, возможно, будет интересно принять участие в собрании в Демократическом клубе имени генерала Джексона. В этом году будут выбирать губернатора. Хороший способ знакомиться с людьми. Мой брат – не Джек, а другой, Дональд; Джек сволочной, а Дональд настоящий душка – очень активно занимается политикой.

– Вы хотите познакомить меня со своим братом?

Этот вопрос явно позабавил Джудит.

– Нет, нет, Дональд никого себе не ищет – во всяком случае, насколько я могу судить. Когда я говорю «знакомиться с людьми», я имею в виду именно это – с людьми вообще. Некоторые из них мужчины. И среди них попадаются неженатые. Для меня это возможность выбраться из дома родителей без лишних вопросов с их стороны. А если я буду ходить туда с приятной дамой из северного Балтимора, они, возможно, перестанут так уж беспокоиться из-за того, когда я возвращаюсь домой.

Мэдди робко улыбнулась. Иногда доброта причиняет куда большую боль, чем жестокость. Она пошарила в своей су-

мочке в поисках какого-нибудь клочка бумаги, нашла кассовый чек из сетевой аптеки «Рексолл» и записала на обратной стороне номер телефона матери, убедившись вначале, что в чеке нет ничего такого, что могло бы вызвать неловкость, например, гигиенических прокладок.

Она поехала домой, хотя ей трудно было думать о квартире на Джист-авеню как о доме. Там не было Сета и было слишком мало мебели, к тому же соседи третировали ее, как будто это она пария в районе, где обитают служанки и прачки, молочники и водители трамваев. Зайдя в квартиру, она ощутила странное тепло – домовладелец, обычно экономящий на отоплении, включил батареи на слишком большую мощность. Она отодвинула раздвижную дверь маленького патио, смежного с ее спальней. Затем, пытаясь уверить себя, что действует под влиянием момента, взяла помолвочное кольцо и засунула глубоко в грунт горшка с африканской фиалкой, стоящего на колченогом столике рядом с дверью патио. После чего частично задвинула дверь, чтобы в квартиру проникал лишь минимум холодного зимнего воздуха. И начала методично создавать видимость хаоса, открыв несколько выдвигаемых ящиков в кухне и ванной и выбросив на пол часть своей одежды.

Сделав глубокий вдох, она выбежала на улицу, зовя на помощь. Не успела пробежать и квартала, как к ней бросился патрульный-негр.

– Меня ограбили, – сказала она. Поскольку она тяжело

дышала, казалось, что она испугана.

– На улице? – спросил он, глядя на сумочку в ее руках.

– Нет, квартиру, – ответила она. – Украли ювелирные изделия – большая их часть просто бижутерия, но у меня кольцо с бриллиантом, и оно пропало.

Ферди Плэтт – так его звали – «Уменьшительное от Фердинанд? Вас зовут как того быка в мультфильме»?²⁵ – спросила она, но он не ответил – проводил ее до квартиры и окинул взглядом незакрытую дверь патио и беспорядок в квартире. Не слишком ли внимательно его зоркие карие глаза пригляделись к африканской фиалке? Мэдди вдруг показалось, что на грунте в горшке видны следы ее пальцев. Она украдкой посмотрела на свои ногти в поисках следов грязи. Он был одним из тех особенно чистоплотных мужчин, от которых всегда пахнет мылом. Не лосьоном для бритья, не одеколоном, а просто мылом. Не очень высок, но широкие плечи, и двигается как настоящий атлет. Слишком молод, чтобы беспокоиться о поддержании себя в форме; вероятно, лет на десять моложе ее.

– Давайте вызовем детективов, занимающихся ограблениями квартир и домов, – предложил он.

– У меня нет телефона. Поэтому-то я и выбежала на улицу, зовя на помощь. И еще потому, что боялась: вдруг домушник все еще в квартире.

Ее страх был почти настоящим. Она и впрямь начинала

²⁵ Диснеевская короткометражка 1938 г. «Бык Фердинанд».

верить, что ее квартира ограблена, что все это сделал какой-то чужак. Смогла бы стать очень хорошей актрисой, если бы пошла по этой стезе.

Патрульный Плэтт сказал:

– А у меня нет рации, поскольку... В общем, рации у меня нет. Но зато есть ключ от ящика с телефонным аппаратом для экстренной связи рядом с аптекой. Позвоню, и подождем там. На месте преступления не следует ничего трогать.

Позвонив детективам, он проводил ее в аптеку и купил газировку²⁶. Мэдди села у стойки и стала пить ее, жалея, что это не коктейль. И чувствуя себя неловко из-за того, что он не сел рядом с ней, а стоит, сложив руки на груди и наблюдая, как часовой.

– Я не вижу вас в этом районе, – сказал он.

– Живу здесь всего несколько недель.

– Не в этом смысле. Я имею в виду, что для вас это неподходящий район. Вам тут не место.

– Потому что я белая? – Она ощущала себя нахальной, дерзкой, испытывала такие чувства, которых не знала уже много лет, а может, вообще никогда.

– Нет, дело в другом. Вам надо жить там, где вы бы не так бросались в глаза, в таком месте, где вам была бы обеспечена конфиденциальность. Может, ближе к центру; понимаете, о чем я?

²⁶ Американские аптеки часто совмещают функции собственно аптеки и мини-маркета.

– Я подписала договор о долгосрочной аренде. И внесла залог.

– Договор можно расторгнуть. Если есть веская причина.

И две недели спустя Ферди Плэтту это удалось – он уговорил домовладельца расторгнуть договор без штрафных санкций и даже вернуть залог. Она решила, что не стоит спрашивать его, как он умудрился. Затем он осмотрел квартиру, которую она подыскала и которую он нашел и безопасной, и обеспечивающей конфиденциальность.

Еще через неделю он помог ей опробовать кровать, которую она купила на деньги, полученные по страховке. Она также выручила кое-какие средства, продав машину, хотя пришлось получить разрешение у Милтона. Как же это бесит. Зато теперь на ее прикроватной тумбочке телефон, имеющий восхитительный ярко-красный цвет. А рядом с ним несет караул африканская фиалка, безмятежная и безмолвная.

Продавщица

Я всегда обладала сверхъестественным терпением. Так говорят все. То есть все говорят, что я терпелива, а слово «сверхъестественное» употребляет в этой связи только любимый брат Дональд. Когда мне чего-то хочется, я могу несколько месяцев вынашивать и осуществлять замысел, который приведет к тому, что я это получу – да если уж на то пошло, и несколько лет. С того самого момента, как я присмотрелась к Мэдлин Моргенштерн-Шварц, когда она пыталась продать свое помолвочное кольцо, делая это с таким видом, будто ей плевать, сколько ей дадут за него, я увидела средство для достижения моей цели. С Мэдди Шварц у меня появится шанс съехать из дома родителей, не выходя замуж.

Я младший ребенок и единственная дочь. Братьев не заставляли жить в доме родителей до женитьбы, но ведь они мужчины. Мать, которая управляет всем в доме, решила, что я должна жить здесь, пока не выйду замуж, а у меня нет особого желания. Никогда не была неуправляемым ребенком, и меня никак нельзя назвать взбалмошной девушкой, но мне становится все более и более ясно, чего именно я не хочу. Не хочу становиться учительницей или медсестрой, хотя наличие такой стабильной работы позволило бы мне избавиться от необходимости жить с родителями. Не хочется и встречаться с мужчинами, похожими на братьев или отца.

Я вообще не хочу выходить замуж, во всяком случае, пока.

Но поскольку я приличная еврейская девушка, то должна продолжать жить дома, пока не выйду замуж. В этом плане мои родители старомодны.

– Мы разрешили бы тебе жить с другой девушкой, если бы мы одобряли ее, но твои подруги такие легкомысленные, – сказала мать.

В самом ли деле они легкомысленны? Впрочем, не имеет значения. Мать сказала свое слово. Так что единственное, что я могу сделать, – выяснить, что именно требуется, чтобы получить одобрение моей матери, которого можно добиться нечасто.

С помощью такой тактики мне и удалось окончить университет. Родители не позволили бы мне уехать от них даже при наличии стипендии, покрывающей плату за обучение. Они настаивали на том, чтобы я оставалась под их присмотром. К тому же с деньгами у нас было слишком туго после банкротства моего отца, сколько бы ни давали братья. Учиться в Мэрилендском университете в городе Колледж-Парк было невозможно, не имея машины, так что я добилась получения стипендии в Балтиморском универе, а летом работала, чтобы накопить денег на оплату остальных моих расходов – на учебники, на проезд в автобусе, на одежду. Родители не могли найти возражений против такого плана, и в прошлом году я закончила учебу по специальности «политология». Теперь надо применить такую же тактику для того,

чтобы съехать из дома. Какие у них могут быть возражения? *Затраты.* (Поэтому я начала работать в ювелирном магазине Джека, хотя у меня и нет склонности к работе в розничной торговле – не по душе ни лгать, ни уговаривать.) *Безопасность.* Значит, придется жить с соседкой. *Моральный облик.* Значит, не с абы какой соседкой, а с такой, которая эмоционально стабильна и которой можно доверять. И она должна быть еврейкой, само собой.

Думаю, Мэдди Шварц – самое оно. Если ей приходится продавать свое помолвочное кольцо, значит, она бы не имела ничего против соседки по квартире, чтобы иметь возможность оплачивать счета пополам. Правда, все говорят, что это странно, что, оставив Милтона, она не забрала с собой сына, но, скорее всего, в их разрыве виноват Милтон. Все в северо-западном Балтиморе ждут того дня, когда он появится под руку с какой-нибудь секретаршей или медсестрой. Но кем бы она ни была, по сравнению с Мэдди это будет регресс.

Прошло уже немало времени с тех пор, когда моя семья еще могла позволить себе членство в загородном клубе, но я помню, какие истории рассказывали о Мэдди Шварц, тогда Мэдди Моргенштерн. Кажется, брат Натан был ею увлечен. Это он рассказывал мне, какой фурор она произвела, когда появилась в костюме телесного цвета. И к тому же была умной – в семнадцать окончила школу, проучилась два года в колледже, пока не вышла замуж. Разумеется, ей столько лет, что она почти что могла бы быть моей матерью, но зачем ак-

центрировать на этом внимание? А так-то ведь и самый старший брат годится мне в отцы. По возрасту годится.

К тому же Мэдди нисколько не похожа на мою мать. Та уже родилась старой. На фотографиях, сделанных в двадцатых, отец смотрится франтом, человеком, умеющим наслаждаться жизнью. А мама даже на своих детских выглядит мрачной и несчастной. Правда, папа принадлежал ко второму поколению переселенцев, а маме было три года, когда ее семья приехала в Америку. Мы никогда не говорим о тех родных, которым не удалось бежать, пока еще было не поздно.

– Что тут говорить? – сказала мама, когда я спросила ее об этом.

Нет, Мэдди – это для меня наилучшая возможность добиться цели. Но я не знала, как с ней связаться. Она дала мне телефон своей матери; стало быть, своего, вероятно, нет. (Это также свидетельствует о том, что она еле сводит концы с концами.) Так что я решила ждать подходящего момента.

Затем на прошлой неделе наткнулась на мать Мэдди, миссис Моргенштерн – в кулинарно-гастрономическом отделе «Северен локс». (Еще одна из вещей, от которых мне хочется сбежать. Мама заставляет меня ходить по магазинам, покупая большую часть потребляемых нами продуктов, поскольку это, по ее словам, помогает мне набраться опыта для ведения хозяйства собственной семьи.)

– Миссис Моргенштерн, – робко сказала я. – Я Джудит,

Джудит Вайнштейн. Помните меня по клубу?

Она окинула меня взглядом, глядя поверх своих очков.

– Сколько же лет.

Трудно было сказать, что именно миссис Моргенштерн имела в виду: просто тот факт, что годы идут, или же скандал, связанный с банкротством моего отца, который вышиб семью Вайнштейн из высших кругов общества, когда я еще была ребенком. Наверное, то, что я до сих пор не могу понять, что означала эта ее фраза, еще раз доказывает, что она истинная леди.

– Не могли бы вы сказать, как я могу связаться с Мэдди? На днях она заходила в наш магазин, и... – я попыталась придумать правдоподобный предлог, – и у нас появилось кое-что, более похожее на то, что она искала.

– В самом деле? Не представляю, каким образом Мэдди может быть в состоянии что-то себе купить. Но в этом плане она всегда была непрактичной. Впрочем, теперь у нее есть телефон. Она переехала в центр.

Она достала из сумочки крошечный блокнот, вырвала из него листок и записала семизначный номер. Триста тридцать два – такая телефонная станция мне неизвестна. Почерк миссис Моргенштерн оказался таким же примечательным, как и она сама – на редкость прямым, красивым, но вселяющим страх. Я думала, что более властной матери, чем у меня, просто не может быть, но, похоже, у миссис Моргенштерн есть собственный способ получать то, чего она хочет.

Тогда была пятница. Я ждала до сегодняшнего дня, чтобы позвонить. Надо думать, миссис Моргенштерн уже рассказала дочери о нашей встрече, так что Мэдди не слишком удивится звонку. К тому же я говорила Мэдди о том собрании в клубе Демократической партии.

Звоню в восемь, подумав, что это подходящее время. К этому времени женщина, живущая одна, уже должна поужинать, помыть посуду и готовиться сесть перед телевизором, чтобы смотреть вечерние шоу и сериалы. В девять начинается «Большая долина»²⁷. Мне нравится его смотреть, хотя от комментариев моей матери – «Барбара Стэнвик выглядит моложе, чем этот актер, который играет ее сына, но она права, женщины должны брать на себя ответственность и руководить мужчинами, даже если они такие сумасшедшие, как эта – кажется, ее брюки называются гаучос?»²⁸ – хочется кричать.

Телефон звонит и звонит. Жду пять, восемь, двенадцать гудков – возможно, она сейчас в ванной. А может, я набрала не тот номер. Пробую еще раз, чтобы наверняка набрать правильно.

Мэдди отвечает после второго гудка, слегка задыхаясь.
– Мэдди? Это Джудит. Джудит Вайнштейн.

²⁷ Американский сериал-вестерн, шедший на канале «АВС» в 1965–1969 гг. Главную роль властной матери семейства в нем исполняла звезда Голливуда 30—40-х гг. Барбара Стэнвик.

²⁸ С расширяющимися книзу штанинами, как у латиноамериканских «ковбоев» – гаучо.

– О, так это были вы? Когда телефон звонил и звонил? Я не могла ответить, подумала, что это что-то неважное, но когда зазвонил опять, я испугалась, что это как-то связано с сыном... – В ее словах звучит сначала облегчение, потом раздражение, потом что-то еще, природы чего я не могу определить.

– Простите. Я позвонила во второй раз только потому, что подумала, что в первый раз набрала не тот номер.

– Что вам нужно? – Ее вопрос граничит с грубостью, но ведь она волновалась из-за своего сына.

– Это по поводу того, о чем я уже говорила вам раньше. По поводу собрания в клубе демократов. Я правда думаю, что вам там может понравиться. Даже смогу подвезти, если одолжу машину моих родителей. – Разумеется, мне хочется взглянуть на ее квартиру, выяснить, достаточно ли она велика. Если окажется, что нет, надо будет уговорить Мэдди снять квартиру с двумя спальнями.

– А-а. – Похоже, она начисто забыла тот наш разговор. И кажется рассеянной. Не знай я, что это невозможно, я бы подумала, что она немного пьяна. Но приличные еврейки не напиваются вечерами по средам.

– Собрание состоится на следующей неделе. Это интересно. Я понимаю, кажется, что в таком штате, как Мэриленд, у демократов и без того имеется достаточная поддержка, и это собрание не имеет значения, но мы не должны принимать все как должное. Есть много способов помогать партии.

– Я могу вам перезвонить? Нет, не сегодня, а... попозже на этой неделе?

– Конечно. Я продиктую вам номер.

Видимо, Мэдди отложила трубку. Я слышу звуки, которые человек производит, когда ищет карандаш и бумагу, но также – что-то еще. Какой-то грохот, Мэдди тихо взвизгивает:

– Нет! И еще раз нет! – Как будто она ударилась бедром о выдвинутый ящик, но ей, похоже, нравится это ощущение. – Я готова, – говорит она, и я быстро диктую ей номер родителей, хотя теперь уже не жду, что Мэдди Шварц попытается связаться со мной. Уверена, что вечерами по средам она не смотрит «Большую долину». И еще более уверена, что ей не нужна соседка по квартире.

Усевшись перед телевизором рядом с родителями, я пытаюсь не вздыхать, слушая, как мать все говорит и говорит, делаясь каждой мыслью, причем некоторые из них даже имеют отношение к сериалу, который мы смотрим. А отец, как всегда, молчит. Он так и не пришел в себя после потери «Аптек Вайнштейна». Я всегда считала, что проблема в том, что в названии бизнеса фигурировала его фамилия. Когда он увидел снятие вывесок, это было для него все равно что наблюдать, как его тело расчленяют и продают за гроши.

Сегодня он позволяет себе одно замечание, и оно относится к актрисе, играющей Одру:

– Весьма недурна.

Мама воспринимает это как ужасное оскорбление.

– О, значит, теперь тебе нравятся *блондинки*. Какая интересная смена вкуса.

Мне необходимо выбраться из этого дома.

Февраль 1966 года

Мэдди положила голову на клетчатую ткань, дивясь тому, что собирается сделать. Это казалось таким сомнительным – и даже опасным. Но Ферди хотел, чтобы она сделала это. Правда, прямо он этого не говорил, только намекнул. Собственно, он вообще ничего не сказал, а просто попытался пальцами расчесать ее волосы, но не смог из-за лака, который был необходим, чтобы курчавая, пышная и довольно длинная шевелюра выглядела пристойно.

– Я знаю одну женщину... – начал он.

– Полагаю, ты знаешь немало женщин, – поддразнила его она. Кто знает, быть может, у Ферди даже есть жена. А, не все ли равно? Как бы то ни было, они все равно не могут никуда пойти вдвоем, и встречаться им можно только в ее квартире, ведь она еще не развелась, да и – в общем, это просто была бы плохая идея, поскольку мир таков, какой он есть, а Балтимор есть Балтимор.

– Женщина, которая умеет делать всякие штуки с волосами, – сказал он. – И занимается этим на дому. Она сделает это дешево.

– Сделает что?

– Распрямит утюгом. – Ферди сказал это с характерным местным выговором. Он был балтиморцем в четвертом поколении, так что его корни были глубже, чем у Мэдди. Семья

Плэтт переселилась сюда из Южной Каролины после Гражданской войны, и благодаря выигранному в начале пятидесятых годов иску Ферди смог закончить престижный балтиморский политех. Надо было быть очень хорошим учеником, чтобы тебя приняли в эту государственную старшую школу для мальчиков, имеющих склонность к инженерным наукам, однако Ферди не распространялся о том, почему после ее окончания он решил поступить на службу в полицейский департамент. По мнению Мэдди, он произносил слова с выговором, вообще характерным для балтиморцев из рабочей среды, и когда звонил ей в самом начале на телефон, который, по его выражению, был нужен *им обоим*, она всякий раз думала, что это какой-то незнакомый белый мужчина. Хотя к моменту переезда на угол Маллберри и Катидрал он уже перестал быть чужаком.

Он явился в ее квартиру на Джист-авеню через два дня после «ограбления». Этим делом занимались двое детективов, сказавшие Мэдди, что проверят ломбарды, но не стоит многого ожидать. Зная, что никакого ограбления не было и искать кольцо в ломбардах бесполезно, она выбросила эту историю из головы и потому удивилась – и немного испугалась, – когда к ней вдруг зашел Ферди Плэтт.

– Просто решил проверить, как вы, – сказал он, и ей показалось, что она слышит в его словах иронию и скрытый смысл. Остановились ли его всевидящие глаза на африканской фиалке, когда он оглядывал ее квартиру? Может, это

расизм заставляет ее думать, что полицейский-негр подозревает ее, хотя она нисколько не волнуется относительно белых детективов, которые занимаются этим делом официально?

И тут он уставился на нее, по-настоящему уставился – а она-то уже и забыла, какими бывают подобные мужские взгляды.

– Хочу проверить ту задвижную дверь.

– Ту, которая в спальне? – На последнем слове ее голос сорвался на писк.

– Ту, через которую вошел грабитель.

– Ну да, ту, которая в спальне.

– Ну да.

Она провела его туда, но они так и не дошли до задвижной двери. Едва переступили порог, он обвил руками ее талию, повернул к себе и принялся целовать. Какую-то ее часть такая наглость задела, но тело тут же заставило этот отголосок миссис Милтон Шварц замолчать. Тогда, в аптеке, она с ним флиртовала, этого нельзя отрицать, и, хотя в то время флирт был своего рода инерцией, сейчас она была рада тому, что он ее раскусил. Прежде она такого не чувствовала – ну, нельзя сказать, что с Милтоном подобного не бывало, но ведь они были уже давно женаты.

Он даже не стал раздевать ее и не разделся сам, просто толкнул на кровать и задрал юбку так, что та почти закрыла лицо. *Вероятно, не обрезан*, забеспокоилась миссис Милтон Шварц, но Мэдди было все равно. *А как насчет беременно-*

сти?

Он все сделает как надо, сказала она себе прежней.

Она стонала, издавала звуки, которых прежде за собой не замечала. Мэдди всегда получала удовольствие от секса с Милтоном, но сейчас, с Ферди, ей пришло в голову, что, возможно, дело просто в том, что она любит секс.

Единственное, что беспокоило по-настоящему, – мысль о том, что это, возможно, не повторится, что он хотел только один раз.

– Нам это было необходимо, – сказал он, закончив. Поцеловал ее, взял с тумбочки бумажный носовой платок, вытерся сам и вытер простыню. – В следующий раз все будет медленно и красиво. Но после нашей встречи я не мог думать ни о чем другом.

Даже в нынешнем угаре Мэдди решила, что он солгал. Слишком собран, слишком целеустремлен, чтобы забыть, отдавшись мечтам. Но в такой лести нет ничего дурного. Как же ей этого не хватало. Правда, бывало, что муж, напившись, прижимал ее к стенке на какой-нибудь вечеринке и клялся, что без ума от нее, но Мэдди всегда с хорошо отрепетированным юморком уклонялась от этих сентиментальных и малообещающих обьятий.

Сейчас все не так, совершенно не так.

– В следующий раз... – начала она, не зная, что именно она сейчас скажет. Что следующего раза не будет? Что она ждет его с нетерпением?

– Не беспокойся, – сказал он. – Мне некуда спешить.

Позднее, лежа под одеялом, они, удовлетворенные, изучали обнаженные тела друг друга. Оказалось, что он все-таки обрезан...

– Это сделал врач-еврей, – заметил он, почувствовав, что ее рука задержалась там. Самым большим сюрпризом его длинного спортивного тела был большой выступающий пупок. Его же, похоже, более всего интересовали ее груди и волосы. Хотелось спросить, стала ли она первой белой женщиной, с которой у него был секс, но она решила, что спрашивать подобное грубо. Лучше уж в третий раз заняться любовью.

Он предложил ей распрямить волосы лишь через несколько недель, после того как она переехала, и их отношения устоялись, превратились в систему. Звонил ей и спрашивал, свободна ли она, и для него она всегда бывала свободна. Приходил с китайской едой или пиццей, и в конце концов они ели все холодным, часто в кровати, запивая пенным пивом. Он любил «Баллантайн эль», и она всегда держала его в холодильнике и пила его вместе с ним, хотя самой ей больше нравилось вино или вермут.

Перед приходом он звонил, так что она могла крадучись спуститься и заранее отпереть нижнюю дверь. Появлялся после наступления темноты и уходил поздно ночью. Всегда был одет в форму, и люди не могли не видеть его, а ее соседка через стену – Мэдди это знала – не только видела, но и слы-

шала. Странно, прежде она во время секса никогда не издавала таких громких звуков. Но ей хотелось, чтобы кто-то слышал, чтобы кто-то знал, что секс у нее по два или три раза за ночь, даже если речь шла всего лишь о разношерстных соседях. Иногда Ферди нравилось нагнуть ее над раковиной в ванной, и хотя его глаза всегда при этом были зажмурены, сама она, словно загипнотизированная, смотрела на их отражения в зеркале. Мэдди еще никогда не казалась себе такой белокожей и миниатюрной. До Ферди всегда считала себя смуглой.

И вот она в доме незнакомой женщины, не так уж далеко от квартиры на Джист-авеню. Щека на клетчатой обивке гладильной доски в ожидании, когда женщина выпрямит волосы. Та высока, толста, в мешковатом платье и в домашних тапочках. Ее собственные волосы повязаны косынкой.

– От кого вы узнали обо мне? – спросила она.

Ферди научил Мэдди, как ответить на этот вопрос.

– От женщины, которая делает уборку в доме моей матери.

– Вы могли бы добиться такого же результата, накрутив волосы на банки из-под сока. Но после моей работы ваши волосы останутся прямыми немного дольше, если только воздух не будет слишком сырым.

Когда дело было сделано, Мэдди точно не знала, что именно чувствует, глядясь в зеркало. Да, она выглядит красивой, и теперь немного похожа на ту актрису, которую она в по-

следнее время видела в нескольких сериалах – большие карие глаза, длинные блестящие волосы. Но еще было такое чувство, будто она отказалась от части себя – и особенно сильным оно стало, когда она встретила с Сетом, и тот сказал:

– Что ты такое сделала?

Мэдди не сразу сообразила, что речь о волосах.

Она дотронулась до своих прямых блестящих волос, представила себе, как их расчесывают пальцы Ферди, и подумала: «Хоть бы пришел до того, как они опять станут курчавыми».

– Мне просто захотелось попробовать что-то новенькое.

– Не кажется ли тебе, что в этом году хватит уже пробовать новенькое?

Может ли он знать про ее связь? Мэдди заметила, что чем больше она занимается сексом с Ферди, тем чаще мужчины на улице обращают на нее внимание, как будто теперь от нее исходит некий чувственный аромат. Но Сет всего-навсего брюзгливый подросток, мучающий ее, как это свойственно брюзгливым подросткам. Он зол. Наверное, не стоило уходить от мужа до того, как сын окончит старшую школу.

Встречи с Сетом в середине недели всегда проходили как-то не так. Она предлагала ему выбрать ресторан, он отвечал, что ему все равно, тогда она выбирала «Сабарбан Хаус» или заведение на Рейстерстаун-роуд, где подавали чоп суи²⁹, по-

²⁹ Китайское мясное рагу с яйцами и овощами; однако существует и чисто американский вариант блюда с таким названием, представляющий собой нечто вро-

сле чего он жаловался на ее выбор. Она задавала ему вопросы, он бормотал односложные ответы. Когда очередная такая встреча заканчивалась, оба испытывали облегчение.

Но сегодня она попыталась надавить.

– Сет, если злишься на меня – это нормально.

– Ну *спасибо*.

Они сидели в «Сабарбан Хаус», где он заказал сэндвич с поджаренным сыром и картошку фри, и она решила не читать ему лекцию о том, что такая еда способствует появлению угрей, от которых он начал избавляться только недавно. Ел с открытым ртом, но просто не было сил сделать ему замечание.

– Мне правда жаль, что мы с отцом разводимся.

Он пожал плечами, взяв картошку фри по кетчупу.

– Мне это до одного места.

– Сет, вот ты говоришь и даже не знаешь, какое «место» имеется в виду.

Сын призадумался.

– Почему же, знаю. Имеется...

– Перестань, это неприлично. И ты не должен так говорить со своей матерью.

– Ты ушла от нас. И мне не мать.

– Я всегда буду тебе матерью. Просто не хочу оставаться женой твоего отца.

Она видела, что он пытается напустить на себя безразлич-

ный вид. Не получалось.

– Почему? Ведь вы же с ним не ссоритесь. То есть сейчас ссоритесь, но раньше ведь нет. Не помню такого.

– Думаю, не смогу облечь это в слова. Дело в том, что я, похоже, выбрала не ту дорогу. Такое чувство, будто я стала не тем человеком, каким мне предназначено стать. – Она тут же поправилась: – То есть мне было предназначено стать твоей матерью, конечно. Ты должен существовать, мир нуждается в тебе, Сет. Это часть моего предназначения, но оно ею не исчерпывается. Ты уже почти взрослый, и я хочу что-то сделать со своей жизнью.

– Найти работу? Но ты же никогда не работала. Чем станешь заниматься?

Мэдди не стала винить Сета в том, что он не понимает, что ее работой был он сам. Впрочем, она и сама не рассматривала это таким образом. Вести хозяйство, воспитать сына, хорошего, хотя и брюзгливого, быть преданной женой – все это не работа. Дети дарят тебе самодельные открытки на День матери. Муж, если он достаточно обеспеченный человек, дарит драгоценности на твои дни рождения. В любой культуре полно народных песен, восхваляющих матерей. Но это *не работа*.

В детстве Сет читал очерки о детских годах выдающихся американцев – президентов, спортсменов. В этой серии говорилось и о нескольких девочках, некоторые из коих стали

видными фигурами – например, Джейн Аддамс³⁰, Амелия Эрхарт³¹, Бетси Росс³². Но среди них фигурировала также и Джульетт Лоу, основательница движения девочек-скаутов, что, по мнению Мэдди, никак нельзя было назвать таким уж выдающимся достижением. Много ли ума требуется для того, чтобы придумать женскую версию бойскаутов? Авторам очерков так не хватало подходящих женщин, что один из томов они посвятили Нэнси Хэнкс, чья роль в истории сводилась к тому, что она была матерью Авраама Линкольна.

– Да, я знаю, в колледже я проучилась всего два года, но есть много вещей, которыми я могла бы заняться.

– Например?

– Могла бы... работать в музее. Или, скажем, на радио.

Уолли Вайс обязан сделать для меня хотя бы это, с иронией подумала она, хотя она не могла себе представить, что когда-нибудь обратится к нему за помощью.

Почувствовав ее слабость, Сет спросил, нельзя ли ему выпить еще одну порцию кока-колы.

– Конечно, – ответила Мэдди, разочарованная тем, что из этого разговора ничего не вышло. Глупо ожидать, что твоему ребенку может быть какое-то дело до твоих желаний и

³⁰ Лора Джейн Аддамс (1860–1935) – американский ученый, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии мира (1931).

³¹ Амелия Мэри Эрхарт (1897–1937) – первая женщина-авиапилот, перелетевшая Атлантический океан, американская писательница.

³² Элизабет Гриском Росс (1752–1836) – американская швея, которая согласно преданию в 1776-м сшила первый флаг США.

стремлений.

Вернувшись домой, она уставилась на телефон, отчаянно желая, чтобы он позвонил. Ферди почти никогда не звонил ей по средам. Не потому, что знал, что в этот день она ужинает с Сетом, а потому что... он никогда не говорил почему, а она не хотела спрашивать. У него жена, наверняка жена. Это Мэдди могла стерпеть. Но она была уверена, что в его жизни есть и другие женщины, и ее терзало острое любопытство. Она сверлила глазами телефон, и ей вспомнилась история Дороти Паркер³³ о том, как девушка просит у Бога, чтобы телефон зазвонил. В подростковом возрасте Мэдди любила Дороти Паркер, но никогда не беспокоилась о том, чтобы ей позвонил кто-то из парней. Все ее планы неизменно осуществлялись – до того лета после окончания старшей школы, когда она попыталась поймать рыбу, слишком крупную для ее неумелых рук. Она понимала саму себя достаточно хорошо, чтобы осознавать, что ее отношения с Ферди напоминают ей о том привольном времени, что необходимость скрывать эти отношения помогает ей снова чувствовать себя молодой.

Телефон не звонил.

Но она услышала другой звук – как будто в ее окно стучала снежная крупа. Она зашла в спальню и увидела Ферди на пожарной лестнице за своим окном.

³³ Дороти Паркер (1893–1967) – известная американская писательница, прежде всего известная своими юмором и сатирой.

– Ехал мимо, – сказал он, – и увидел в твоём окне свет.

– Тебе нельзя тут находиться, – ответила она. – Кто-нибудь может вызвать полицию.

– К счастью, полиция уже здесь. – Он перелез через подоконник.

Она находилась между его ног, когда телефон зазвонил. Он положил руку ей на голову, и она поймала себя на том, что стала двигаться в такт трелям. Телефон все звонил и звонил. Кто может прождать двадцать гудков? Ферди и телефон наконец кончили, и она отстранилась, довольная собой, когда позвонили опять. Наверняка это Милтон, а раз это Милтон, то речь наверняка пойдет о Сете. Что могло случиться за два часа после их встречи?

Мэдди подняла трубку, но оказалось, что это девушка из ювелирного магазина и что она звонит, чтобы спросить насчет того собрания. Конечно, почему бы нет, как-нибудь, когда будет свободна. Она была готова сказать все что угодно, лишь бы повесить трубку и вернуться к Ферди.

Потом, когда Ферди задремал рядом, Мэдди начала думать о том, как выполнить обещание, данное сыну. Надо что-то сделать со своей жизнью.

Надо кем-то стать, надо что-то значить.

* * *

На Новый год моя семья ест спаржевую фасоль...

На Новый год моя семья ест спаржевую фасоль³⁴. Считается, что она приносит удачу. Отцу это не по душе. Ему не по душе вообще все, что отдает негритянским колдовством. Если кто-то просыпал за столом соль, он считал, что лучше всего ее не убирать. Нарочно проходил под приставными лестницами и намеренно пересекал пути черных кошек. По мнению отца, суеверия суть не что иное, как безбожие. Живи по совести, соблюдай десять заповедей, и тебе не придется беспокоиться из-за приставных лестниц, черных кошек или числа тринадцать. Но он не мешал матери готовить на Новый год спаржевую фасоль при условии, что мы не станем говорить, будто она приносит удачу, и я верила в эту фасоль.

Но когда первого января я не пришла к ужину и не села за стол, никто не обратил на это ни малейшего внимания. Они знали, какую жизнь я вела.

– Она легкомысленная, – говорил отец, обращаясь к матери. – Легкомысленная девушка, и я считаю, что в этом виновата ты, Мерва.

Даже в самый обычный субботний вечер я всегда рабо-

³⁴ Вид бобов, также известный как коровий и черноглазый горох.

тала или встречалась с женщиной. А иногда и работала, и встречалась с женщиной. Что в этом плохого? И, само собой, как бы поздно мне ни пришлось работать 31 декабря, потом я все равно пошла бы поразвлечься. Для декабря и тем более января день оказался на удивление погожим, было тепло, более шестидесяти градусов³⁵.

Оказалось также, что это отличная погода, чтобы умереть.

Когда же члены семьи начали спрашивать друг друга, куда я подевалась? Я приходила домой за два дня до того, чтобы провести малышкой. И хотя я буквально осыпала их подарками на Рождество – теперь могла это сделать, поскольку имелись средства, – двадцать девятого купила еще игрушек. Никогда не приходила домой с пустыми руками. Мальчикам я приносила игрушки, маме – провизию: мясо для жарки, ветчину, то, что сама она позволяла себе нечасто, стараясь покупать только товары по сниженным ценам, которые продавали в ближайшем безмянном продуктовом. В тот вечер я также подарила ей свой жакет, который, как мне было известно, нравился ей. Я бы могла снабжать ее и наличными, но отец не позволял ей брать их. Говорил, что это грязные деньги и что они ему не нужны. И что мне надо их копить, чтобы забрать мальчиков и воспитывать их самой.

Он был прав. Но ведь такое искушение, когда тебе пла-

³⁵ 60 градусов по Фаренгейту – ок. 15,5 градусов по Цельсию.

тятся наличными. И к тому же кажется чем-то нереальным, особенно если не нужно самой платить по остальным своим счетам. Это, разумеется, не относилось к моей доле арендной платы за квартиру Летиши, но и тут я не слишком уж беспокоилась, поскольку если не хватало наличных, мне достаточно было просто пролить несколько красивых слезинок. И, само собой, кое-что я тратила на себя. Нет, не так много, как думали другие, ведь самая лучшая моя одежда была не новой, хотя и выглядела совсем как новая. Так да же лучше, поскольку у каждой красивой вещи в моем гардеробе своя история. Покупать эсеницине одежду может любой, а главному из моих мужчин приходилось идти на риск, чтобы дарить ее мне.

Можно ли считаться пропавшей, если почти никому нет дела до твоей пропажи? Я мертва, но у призрака не так много привилегий, как можно было бы ожидать. Я не способна явиться к моей семье, находиться в их комнатах, как бы мне того ни хотелось. К тому же если бы мне дали право являться кому-то, то я не стала бы являться родственникам. Они достойны лучшего, чем преследования унылого призрака, болтающегося по квартире и полного жалости к себе.

Теплая погода продлилась недолго; похолодало, а в конце месяца случилась сильная метель. И только затем люди наконец начали воспринимать слова моей матери всерьез. Ходили слухи, что я уехала во Флориду вместе с Летишей, ко-

торая 31 декабря сбежала в Элктон³⁶. Она отправила мне телеграмму о том, что вместе со свежееиспеченным мужем переезжает во Флориду, но эта телеграмма так и осталась лежать непрочитанная вместе со счетами и рекламой под дверью нашей квартиры на Друид-Хилл-авеню. Домовладелец обнаружил ее, когда пришел 15 января, чтобы пожаловаться на отсутствие арендной платы. Он был готов выбросить все наши пожитки на улицу, но мать забрала мои вещи, выкупила у него те из них, которые стоило сохранить. Красивую одежду она перевезла на семейную квартиру, поскольку хотела верить, что у меня еще будет возможность ее поносить.

Впервые в еженедельной газете «Афро-американ» я была упомянута 14 февраля. Мать так любила меня, что хотела убедить других в том, что я не сбежала. Полиция начала задавать вопросы, хотя бы ради приличия. В последний раз меня видели, когда я собиралась выйти в свет 31 декабря – вернее, ночью 1 января, чтобы, как я выразилась, оттянуться по полной.

Томми, работавший за стойкой во «Фламинго», даже вспомнил мои последние слова: «Говорят, если что-то делаешь 1 января, то будешь делать это весь год. А мне нет нужды есть спаржевую фасоль, ведь и так знаю, что шестьдесят шестой будет замечательным годом».

³⁶ Город на северо-востоке штата Мэриленд, в прошлом известный как место, где можно было тайно, быстро и при этом законно заключить брак.

Ты могла бы прочесть все это в газете «Афро-американ», Мэдди Шварц, но вряд ли читаешь ее.

Пришел март с его ветреной погодой, меня так и не нашли, и ежедневные газеты так и не написали обо мне ни единой строчки.

Тэсси Файн – ее стали искать сразу. Да, знаю, знаю, ей было всего одиннадцать. И она была белой. Тем не менее я не могла не обратить внимания на тот факт, что ее хватились почти немедля. Ты, конечно же, заметила ее исчезновение. Твой самый первый опыт. Ты любишь мертвечину. Мэдди Шварц.

И снова задам вопрос: можно ли считаться пропавшей, если никому нет дела до твоей пропажи?

Школьница

Поверить не могу, что в одиннадцатый день рождения по-цапалась с директором школы, но я одна из лучших учениц «Бейс Яаков» и люблю спорить. И делаю это хорошо. Я все делаю хорошо. *Бесит*, что меня не назначают объявлять чтение Торы в присутствии моих родных и друзей. Хочу, чтобы для меня устроили бат-мицву, но современные ортодоксальные семьи вроде моей устраивают только бар-мицвы³⁷. Некоторые семьи консервативных евреев устраивают такие празднества также и для девочек, что же касается семей реформистских, то никому нет до них дела. Мои родители говорят, что они вообще не евреи.

– Это гордыня, – говорит мне раввин. – И не имеет никакого отношения к твоей жизни в качестве еврейки. Тебе просто хочется покрасоваться. Что не является целью бар-мицвы.

Меня не в первый раз укоряют в гордыне, и наготове подходящий аргумент.

– Да, я горжусь тем, что еврейка. И мальчики тоже гордятся тем, что евреи. Несмотря на то что большинство их не умеют читать на иврите так же хорошо, как я.

³⁷ Бат-мицва и бар-мицва – женская и мужская версии праздника духовного совершеннолетия, которого, согласно традиции, девочки достигают после 12 лет, а мальчики – после 13.

– Надо учиться быть скромной, Тэсси.

– Зачем? – Я топаю ногами, наслаждаясь звуком, производимым металлическими подковками, которые моя мать набивает на каблуки, чтобы обувь дольше носилась.

– Тора учит нас... – Я больше не слушаю раввина. Готовлю следующий аргумент. Тора тем и хороша, что в ней всегда можно найти то, что тебе нужно, чтобы выиграть спор.

Я встряхиваю головой, и кудри колышутся, блестящие, как в рекламе шампуня. У меня такие же волосы, как у тети, и она называет их моей короной. Когда я читала «Энн из «Зеленых Крыш»³⁸, мне было непонятно, почему Энн не радуется тому, что она рыжая. Лично мне очень нравится, что в моем классе рыжие волосы только у меня. «Она как птица-кардинал среди воробьев», – говорят люди, когда думают, что я их не слышу. А еще я самая высокая в классе, и из всех девочек только у меня начинает появляться фигура. Я планирую потратить деньги, что бабушка подарила на день рождения, на бюстгальтер.

Но это, разумеется, секрет. Мать ни за что бы это не одобрила. Но после того как я на себе пронесу лифчик в дом, что она сможет сделать? Бюстгальтер нельзя сдать обратно в магазин, если ты его надевала, а мать ни за что не выбросит носильную вещь. У нас куча денег, но мать очень бережлива.

³⁸ Роман канадской писательницы Люси Энн Монтгомери (1908), одно из самых популярных произведений детской литературы на английском языке. Имеется несколько переводов на русский с разными вариантами названия.

Делает настойку из вишен и штопает носки. Я больше похожа не на нее, а на тетю, ту, которую называют мотовкой.

Раввин все талдычит и талдычит о скромности, *цинут*.

– Мы никогда не должны забывать, что хотя стремление к знаниям и похвально, нельзя использовать их, чтобы пускать пыль в глаза. Или в качестве орудия для достижения своих целей, чтобы заставлять других делать то, что нам нужно.

Хмм. Я заметила, что хотя мальчиков хвалят за то, что фактически они используют свои знания как орудие для достижения их целей, девочки никогда не удостоиваются таких похвал. Два года назад, когда нам задали написать сочинение о будущем, я написала, что хочу стать оперной певицей или раввином. Мне тогда сказали, что женщина не может быть раввином и даже кантором³⁹. И прочли мне такую же, как сейчас, нотацию о *цинут*. Будь у меня по доллару за каждый раз, когда я слышу, как кто-нибудь цитирует мне: «Суета су-ет, все суета»⁴⁰, я могла бы купить целых пять бюстгальтеров, по одному на каждый школьный день. Скромность нужна тем, кому не повезло и кому нечем хвалиться.

Не терпится явиться в школу, надев белую блузку, ту, которая так просвечивает, чтобы остальные девочки увидели, что под ней у меня настоящий лифчик, а не какая-то там майка. Куплю лифчик марки «Вассаретт», потому что они самые лучшие, я видела их рекламу, когда тайком читала

³⁹ Кантор – певчий и ведущая фигура иудейского богослужения.

⁴⁰ Слова из Книги Екклесиаста Ветхого Завета.

журнал «Севентин» в аптеке. А поверх блузки надену кардиган, чтобы мать не узнала.

Я планировала поход в магазин несколько дней. Первым делом скормлю правдоподобную ложь той из матерей наших учеников, которая сегодня будет развозить нас по домам после школы. Магазин женского белья находится рядом с зоомагазином, так что я говорю миссис Финкельштейн, что рыбкам моего брата нужен корм и что она может высадить меня перед ним. Та недовольна – ей полагается довезти меня до двери, но тут всего два квартала, и к тому же мы находимся в пределах *эрув*⁴¹. Дни становятся длиннее, но все еще холодно, и сегодня стоит особенно мерзкая погода с дождем, который так бьет по лицу, словно с неба сыплется щебенка. Миссис Финкельштейн хочется поскорее попасть домой, к тому же я последняя девочка из тех, кого ей надо довезти до дома. Тут негде припарковаться – в этом квартале никогда не бывает свободных парковочных мест, – и в конце концов она берет с меня слово, что, купив корм, я пойду напрямиком домой.

Я легко даю ей это обещание, и даже нет нужды скрещивать пальцы. Ведь что такое это самое «прямиком домой»? Не могу же я попасть домой, не пройдя мимо магазина женского белья.

⁴¹ Специально установленные общиной территориальные границы, в пределах которых можно совершать обычно запрещенные ортодоксальной традицией простейшие действия.

Зная, что миссис Финкельштейн смотрит мне вслед, вхожу в зоомагазин, где стоит отвратительный запах. Скудный зоомагазин – тут продаются только рыбки, черепахи, змеи – ни одной зверюшки с мехом. Мех. Когда исполнится семнадцать лет, получу в подарок меховое пальто. Мне обещали дедушка и бабушка, которые держат меховой магазин. Но я хочу, чтобы оно появилось у меня раньше, возможно, в шестнадцать. Но до этого еще целых пять лет, это будет вообще в следующем десятилетии. Хочу пальто из меха. И кольцо, как у матери, с большим зеленым камнем – сама она говорит, что это не изумруд, но я думаю, что это он. И сверкающие серьги. Хочу выйти замуж за богача или своими силами заработать кучу денег, чтобы была возможность приобрести все, что пожелаю и когда пожелаю.

Сейчас желаю купить бюстгальтер «Вассаретт», и лучше всего розовый.

– Я могу вам чем-то помочь? – слышится мужской голос из задней части магазина. Делаю вид, будто рассматриваю змей в стеклянных ящиках, но на самом деле пытаюсь наблюдать через пыльную витрину за машиной миссис Финкельштейн – убеждаюсь, что она отъехала и проехала на зеленый свет.

– Нет, – отвечаю я, как выражаются в моей семье, «с высокомерием, достойным герцогини». – Я *просто смотрю*.

Мужчина худосочен, бледен, у него оранжевые волосы и красные воспаленные веки. Если бы простуда приняла чело-

веческий облик, она была бы похожа на него. Глаза как у белых мышей; правда, в этом магазине нет ничего такого хо-рошенького, как мыши. Сутулится и хлопает носом.

– Ты рыжая, – говорит он. – Как я.

Нет, я не такая, как он. Он не рыжий, а оранжевый. Пово-рачиваюсь к нему спиной.

– Хочешь змею? Или пару черепашек?

– Я скажу, если увижу что-нибудь такое, что мне захочет-ся купить. Человек может же просто ходить по магазину и смотреть на товар?

– Но для некоторых наших рыбок нужны особые аквари-умы, и не всех их можно держать вместе...

– Я скажу, если вы мне понадобится, – говорю.

Не хочу разговаривать с мужчиной, который работает в таком грязном вонючем магазине. С мужчиной, у которого оранжевые волосы и который мнит, будто он может говорить мне, Тэсси Файн, имеющей в кармане целых десять долла-ров, что я могу делать, а чего не могу. Тетя не позволяет владельцам магазинов разговаривать с ней в подобном тоне. Я видела, как она вела себя в универмаге «Хатцлерз», когда продавщица попыталась побрызгать на нее духами.

– Дорогуша, – сказала она, – я душусь только «Джой»⁴².

Покупатель всегда прав.

⁴² Парфюм цветочной группы, выпущенный в 1929 г. под маркой кутюрье Жана Пату; в 2000 г. по результатам общественного голосования, проведенного меж-дународной парфюмерной организацией «Фрэгрэнс фаундейшн», был признан «ароматом века», победив «Шанель № 5».

– Понятно, но ты не можешь трогать товар...

Я не хочу ни до чего дотрагиваться здесь, но этот тип не может указывать мне, что я могу делать, а чего не могу.

– У нас свободная страна, – говорю я и топаю ногой. Мне нравится слушать звуки, которые производят металлические подбойки на каблуках.

– Не делай так, – говорит мужчина, кривясь, как будто звук причиняет ему боль.

– Вы не можете указывать мне, что я могу делать, а чего не могу, – отвечаю я и опять топаю ногой. Чудесный звук. Топаю, и топаю, и топаю, и...

Март 1966 года

– Есть ли что-то, вызывающее большую досаду, чем невозможность сделать то, чего вообще никогда не хотела делать?

Мэдди попыталась отпустить шутку по поводу самой себя и вечного противостояния между матерями и дочерьми.

Но Джудит Вайнштейн, видимо, приняла это за серьезный вопрос, достойный глубокомысленного ответа, поскольку ответила не сразу. Мэдди не могла видеть лицо Джудит – они шли по узкой дорожке, и Мэдди шагала впереди, – но, когда Джудит наконец ответила, было видно, что ей очень хочется выразить согласие, даже если она и не совсем согласна.

– Очень досадно, что мы приехали, а они не захотели принять нашу помощь. Но они ведь не смогли нас остановить, верно?

Голос ее прерывался; дорожка была скользкой. Возможно, Джудит считает, что Мэдди сумасшедшая, раз ей хочется бродить по парку, хотя уже темнеет. Как они вообще оказались тут?

Это произошло потому, что мать Мэдди позвонила ей, как делала каждое утро в девять часов с тех пор, как у дочери появился телефон. При этом Мэдди никогда не приходило в голову, что можно не брать трубку. Этот ежедневный звонок

матери был единственным, что в неизменном виде перешло в новую жизнь из старой.

– Мэдди, слышала про Тэсси Файн?

– Конечно, мама. Я ведь живу на Катидрал, а не в Сибири. Мы с тобой получаем одни и те же газеты. И я слушаю WBAL.

Мать фыркнула. Это означало, что она не согласна, но не станет ввязываться в спор, поскольку не хочется утруждать-ся. Похоже, она содрогнулась, когда Мэдди упомянула Катидрал, как будто это название уже само по себе оскорбляло ее слух. Она бы ужаснулась еще больше, если бы узнала, что окна квартиры Мэдди выходят на собор⁴³.

– С момента ее исчезновения прошло уже два дня. Синагога отправляет на поиски волонтеров. Надо будет встретиться на парковке и разбиться на пары.

«Надо будет» было сказано не вообще, а относилось лично к Мэдди. Тэтти Моргенштерн – странное уменьшительное от «Хэрриет» – говорила Мэдди: «Ты отправишься на парковку и оттуда в паре с кем-то пройдешь по заранее оговоренному маршруту в районе зоомагазина, где Тэсси Файн видели в последний раз».

Эта история будоражила Балтимор уже три дня. Тэсси Файн, такая хорошенькая, такая юная. Матери другой ученицы, женщине, которая подвозила ее, Тэсси сказала, что собирается купить корм для рыбок своего брата. Но у ее брата

⁴³ Катидрал-стрит (англ. Cathedral street) – Соборная улица.

не было никаких рыбок. Мужчина в зоомагазине сказал, что она заходила, но ушла через пять минут, так ничего и не купив. И добавил, что была груба с ним. Ее семья и подруги с нескрываемым восхищением подтвердили:

– Да, это похоже на нашу Тэсси.

Мать Мэдди была знакома с бабушкой Тэсси. Та не нравилась ей, но они были знакомы. Знали друг друга с детства и вместе учились в Парк-скул, когда эта школа еще находилась на Очентороли-Террас. Хотя Парк-скул и принимала учеников независимо от религиозной принадлежности, семьи немецких евреев предпочитали отправлять своих детей именно в нее, поскольку в другие, более старые частные школы их в те годы старались не принимать. Но когда район вокруг парка Друид-Хилл «изменился» – этот эвфемизм использовался для обозначения расовой интеграции, – школа переехала на северо-запад. Мэдди училась в Парк-скул, когда та находилась на Либерти-Хайтс, теперь же она переместилась в Брукландвилль, почти к самой окружной автостраде, и Сет учился там вслед за бабушкой и матерью. В раннем подростковом возрасте Мэдди даже пару раз ходила на свидание с отцом Тэсси.

Бобби Файн был более консервативен, чем его родители, и предпочитал жить в *ерув* в Парк-Хайтс. По словам Тэтти, его мать считала, что в его совершенно неуместном переходе в ортодоксальный иудаизм виновата жена. Иметь два набора посуды и не есть свинину и дары моря, не имеющие че-

шуи, – это одно, но жена Бобби в своей приверженности заходила слишком уж далеко. Мэдди казалось, что Тэтти уделяет вопросам религии чересчур много внимания, неизменно настаивая на том, что правилен только консервативный иудаизм. Она также любила употреблять слово «пресвитерианский»⁴⁴ для уничижительного обозначения всего того, что было связано с протестантами и протестантизмом.

Мэдди несколько раз видела мать Тэсси, и, по ее мнению, та была похожа на серую мышь, хотя и хорошо одетую. Но круг общения Файнов не пересекался с кругом общения Шварцев, и Мэдди считала, что было бы вульгарно навязываться этой семье в то время, когда та переживает трагедию. Если бы они дружили, Мэдди бы охотно внесла сейчас свою лепту, но они ведь даже не присутствовали на свадьбах друг друга, и...

Мэдди не захотела додумывать эту мысль до конца и думать о следующем событии в семье Файн, на которое также не будет приглашена.

– Так ужасно, – сказала Тэтти. – Не знаю, как родители могут пережить такое.

– Быть может, она жива, – сказала Мэдди. Ведь счастливый конец еще возможен, не так ли? Девочка могла заблудиться, удариться головой и забыть, кто она такая, разве не так? Но вчера вечером Ферди сказал то же, что и Тэтти. Тэс-

⁴⁴ Пресвитерианство – разновидность протестантизма, основанная на шотландской версии кальвинизма.

си Файн почти наверняка убита, и детективы убойного отдела, которым поручили расследование этого дела, работают в условиях жесткого давления со стороны общественного мнения, требующего как можно быстрее предъявить хоть какой-то результат.

– Когда они найдут ее... – опять начала Мэдди.

– *Если*, – поправила ее мать. – В молодости я слышала историю об извращенце, который насилует маленьких девочек, а затем убивал. Вот где ты живешь сейчас: тогда там находилось гетто. Впрочем, там и сейчас гетто. В конце концов он напал на девочку, у чьей матери был пистолет. Она застрелила его, на этом все и закончилось.

Район, где жила Мэдди, вовсе не был гетто, и ее мать почти слово в слово взяла эту историю из романа «Дерево растет в Бруклине»⁴⁵, книги, которую любили обе. Но указывать на это не было смысла, поскольку Тэтти Моргенштерн верила всему, что говорила.

– Надеюсь, что ее все-таки найдут, и притом скоро, – ответила Мэдди с горячностью, удивившей даже ее саму.

Она сказала матери, что ей надо идти, хотя в действительности не было никаких срочных дел. Имелись деньги от страховки, выплаченной за ее «украденное» кольцо, и средства, вырученные от продажи ее машины, – этого должно хватить до тех пор, когда Милтон будет вынужден выплачивать ей

⁴⁵ Полуавтобиографический роман американской писательницы Бетти Смит, вышедший в свет в 1943 году.

алименты. Адвокат уверен, что скоро Мэдди получит свою половину дома, а также свою половину почти всего, включая Сета. А до тех пор она может жить на имеющиеся средства, надо только тратить с умом.

Она надела пальто и вышла погулять. Район не так уж и плох. У нее была странная фантазия – она представляла себе, как какой-то из мужчин, которых она видела на улице, хватает ее и пытается затащить в переулок. Это будет иностранец, он будет бормотать что-то нечленораздельное и лапать ее. Ужасно, но также и волнительно, поскольку послужит доказательством, насколько она желанна, даже в своем возрасте. С выпрямленными волосами и облегающими свитерами она выглядит моложе своих тридцати семи. Этот мужчина попытается поцеловать ее, но затем каким-то образом – нет нужды объяснять каким именно, поскольку грезы имеют собственную логику, – рядом окажется Ферди, он спасет ее, и оба будут охвачены такой страстью, что найдут поблизости какое-то место – то ли туалет, то ли машину, – чтобы заняться любовью. Рискуя, что их разоблачат.

Странная фантазия, но Мэдди где-то читала, что фантазии никогда не врут.

Погруженная в эти мысли, она зашла дальше, чем собиралась. Чем займется сегодня? Упоительное чувство свободы первых нескольких недель ее новой жизни, когда больше не надо ни о ком заботиться, успело потускнеть, а роман – можно ли называть это так? – только усугублял осознание без-

делья, которым было заполнено нынешнее существование. Она пыталась создать у Ферди ощущение того, что не так уж и доступна, и иногда заставляла себя идти в ресторан в то самое время, когда он обычно звонил, чтобы не расслаблялся. Она не утратила инстинкты, которые когда-то делали ее одной из самых желанных девушек Балтимора. В те времена у нее был маленький блокнот, где она шифром отмечала, как далеко зашли ее отношения с тем или иным парнем. П (поцелуй), СП (страстный поцелуй) ЧО, ЧБ, ПБ («через одежду», «через бюстгальтер», «под бюстгальтером»). Только двое парней проникали ПЮ («под юбку»), и она вышла замуж за второго из них.

Уолли Вайс не удостоился упоминания в блокноте. Он получил только один поцелуй, и то сестринский: скорее, просто обещание, что когда-нибудь он найдет девушку, которая подарит ему П, СП.

Однако с Ферди она не разыгрывала недотрогу. Она почувствовала, что краснеет, вспомнив, как быстро развивался их роман. Когда он схватил ее и поцеловал в первый раз, решила, что это потому, что он *знает*. Она солгала насчет кольца, и такова цена, которую придется заплатить. Но с тех пор Мэдди поняла: Ферди невдомек, что она, по сути, преступница. Она нашла ломбард, где особо не заморачивались с оформлением бумаг (в ее нынешнем районе это оказалось нетрудно), и там ей заплатили половину того, что предлагал Вайнштейн – но это уже был чистый барыш. Мэдди потрати-

ла деньги на покупку вещей для квартиры – приобрела металлические стулья и стол с мраморной столешницей, бархатные декоративные подушки, красивый ковер.

Она зашла в «Улей» и купила крепкого кофе навынос. Лежа на кровати – такая растленность лежать на кровати днем, если не больна, – она попыталась сосредоточиться на взятом из библиотеки романе Сола Беллоу⁴⁶ «Герцог». Стихи, которые она когда-то любила и которые, будучи подростком, пыталась писать сама, больше не трогали ее, но интереса не вызывали и романы, которые рекомендовали в библиотеке. Она выбрала «Герцога» только потому, что кто-то в «Хадассе»⁴⁷ назвал эту книгу антисемитской, а по этому вопросу она предпочитала всегда составлять собственное мнение. Пока что Мэдди была не согласна с тем, что Беллоу – еврей, ненавидящий сам себя, но ей было неприятно, что вторую жену героя романа зовут Мадлен, то есть почти так же, как ее саму. Эта самая Мадлен была ужасным человеком, и Мэдди было трудно не принимать это на свой счет.

Интересно, станет ли когда-нибудь она сама чьей-то второй женой? Ей хотелось жить полной жизнью, жить взахлеб, но возможно ли это в длительном браке? В первые годы их с Милтоном очень сильно тянуло на секс. Ее так даже слишком. Она и сейчас смущенно краснела при воспоминании о

⁴⁶ Сол Беллоу (наст. имя Соломон Беллоус; 1915–2005) – один из самых известных американских авторов, лауреат Нобелевской и Пулитцеровской премий.

⁴⁷ Женская еврейская ассоциация со штаб-квартирой в Нью-Йорке.

том, как за неделю до свадьбы они сидели в машине рядом с парком Силберн Арборетум и едва не сделали это.

Он сказал «нет».

Он сказал «нет».

Она обхватила его рукой; ей доводилось делать это только с ним и с еще одним мужчиной, но об этом она никогда не писала в блокноте. В нем она, подобно какому-нибудь полководцу, писала только о той территории, которая была отвоевана у нее самой. Ей никогда не приходило в голову описывать собственные вылазки, а потом настало время, когда она вообще перестала что-либо писать, когда не могла даже помыслить о том, чтобы признаться в том, что она делает – и с кем.

Она развела ноги и попыталась направить Милтона внутрь себя; ей казалось, что это самый большой дар, который она может ему преподнести. Они были помолвлены, почти женаты. Так что не было ничего дурного.

– Не хочу лгать перед Богом, – сказал Милтон.

– Конечно, – ответила она, и никогда не подводящие инстинкты подсказали ей, как спасти свое достоинство, репутацию. – Просто ты сводишь меня с ума, Милти.

В свою первую брачную ночь она не забыла изобразить боль, которую испытала в настоящий первый раз. Если Милтон и подозревал, что молодая жена не девственница, он оказался слишком вежлив – или же слишком разочарован, – чтобы что-то сказать. Это стало важным уроком для их сов-

местной жизни – бывает ложь, которую не стоит разоблачать.

В полдень Мэдди отложила книгу и открыла холодильник в поисках какой-нибудь еды. В последние годы она ела на обед только что-то легкое вроде тостов и творога. Однако Ферди хотел, чтобы она поправилась, и постоянно предлагал ей еду. «Кто-то же должен заботиться о тебе, детка», – говорил он, явно считая, что худоба есть результат заботы о других, а не целенаправленных усилий. Мэдди, которая всегда следила за модой, не могла не заметить, что в последнее время везде то и дело мелькает модель по имени Твигги⁴⁸. В моде были худые женщины. Но, разумеется, она была слишком стара для того, чтобы носить подобную одежду. Или нет? Как бы она ни худела, груди не становились меньше. Она подумала о том, сколько парней умоляло, буквально *умоляло* ее перейти от ЧО к ЧБ и затем к ПБ, как они обалдевали, обнаруживая ее груди: словно моряки, увидевшие сушу после долгого плавания по морю.

Парк Силберн Арборетум. Не так уж далеко, не более мили от места, где Тэсси видели в последний раз, островок дикой природы в сердце города. Если кому-то нужно избавиться от тела...

Она посмотрела на часы. Быть может, все-таки следует поучаствовать в поисках. Не делать чего-то только потому,

⁴⁸ «Тростиночка» (*англ.*) – псевдоним Лесли Лоусон (р. 1949), одной из первых супермоделей, «виновницы» т. н. синдрома Твигги – моды на худобу, резко отличающуюся от стандартов красоты прошлых десятилетий.

что это идея матери – похоже на поведение брызгливого подростка. Надо позвонить той девушке из ювелирного магазина и попросить отправиться в парк вместе. Мэдди не понимала, почему ей хочется пойти туда со спутницей, но решила, что, может быть, дело в том, что это более солидно.

Джудит явно обрадовалась звонку и сказала, что ради такого важного дела брат отпустит с работы. Они доехали на автобусах до парковки перед синагогой как раз к тому времени, когда волонтеры уже собирались отправиться на поиски.

– Допускаются только мужчины, – объявил глава синагоги, занимающийся организацией.

– Как нелепо, – ответила Мэдди.

– Это работа не для женщин. – Он окинул взглядом их одежду, явно желая к чему-нибудь придраться, но оказалось не к чему – на обеих были практичная обувь и пальто, вполне подходящие для того, чтобы прочесывать переулки и пустыри.

– Тогда мы займемся поисками сами, – сказала Мэдди. – Нам не требуется ваше разрешение, чтобы ходить по Балтимору.

Парк Силберн Арборетум находился дальше по Нортерн-Паркуэй, чем она думала, и оказался больше похожим на лес. День, начавшийся с намека на приход весны, сделался в конце концов холодным и промозглым. Они тщательно прочесывали тропу за тропой, помня, что в пять часов надо уйти, поскольку зимой парк закрывается именно в

это время. Дорожки были длинными и доходили до самой Силберн-авеню. Когда до пяти осталось всего ничего, Мэдди сказала Джудит:

– Давайте пройдем по этой последней тропе до самой ограды.

Позднее, когда ее спрашивали: *«Как вы додумались поискать именно там?»*, этот вопрос не поставил ее в тупик. Она не могла сказать: *«Я вспомнила, как мы парковались там во время моих свиданий со всеми моими парнями»*. Не говоря уже о: *«Дело в том, что именно там я пыталась заставить будущего мужа заняться со мной любовью, но он хотел подождать, потому что думал, будто я девственница»*.

Вместо этого она отвечала: *«У меня просто сработала интуиция»*.

И они прошли до конца последней тропы, до ограды, отделяющей парк от Силберн-авеню. Там находился глубокий овраг, и, хотя ограда в этом месте была сломана, с улицы он был не виден; надо было находиться на пригорке над ним, чтобы увидеть то, что увидела Мэдди.

Она заметила что-то блестящее, слишком блестящее в серо-зеленом зимнем подлеске. Серебристая подковообразная подбойка ботинка. Ботинок находился на ноге; затем Мэдди увидела тело, голову, лицо. Лицо ребенка не может быть таким неподвижным.

В своем серо-зеленом пальто и коричневых колготках Тэсси Файн почти слилась с ландшафтом. Но рыжие кудри

пламенели, словно вдруг расцветшие посреди зимы полевые цветы, и подбойки так и блестели, отражая последний свет дня.

Патрульный

Когда поступает вызов, первое, о чем я думаю: *слава богу, не придется идти в «Бургер-Шеф»*. Каждый вечер мы с напарником Полом спорим по поводу того, где ужинать. Я предпочитаю другое заведение – «У Джино». Может, с моей стороны это проявление черствости – думать об ужине, когда поступает звонок с сообщением о трупe, и, возможно, того самого человека, которого сейчас ищут все, – но поймите, тогда я думал, что все это просто пшик. Дело в том, что я вбил себе в голову, будто о трупe сообщили подростки, парень и девушка, которые занимались чем не следует. Посмотрели на часы, вспомнили, что уже пора быть дома, на семейном ужине, и решили придумать оправдание.

В общем, едем по Нортерн-Паркуэй, направляясь на запад, и находимся ближе всех остальных патрулей к парку Силберн Арборетум, так что и принимаем вызов. Обычно в это время парк уже закрыт, но сегодня служители остались на месте и не закрыли ворота.

Первое, что я замечаю: речь идет не о парне и девушке, и это не подростки. Две женщины, одной двадцать с чем-то, другой за тридцать, явно не родственницы. И хотя та, которой за тридцать, будет старше меня, по меньшей мере, лет на десять, из этих двух красоткой является именно она. Нет, не поймите меня неправильно, которая помоложе тоже непло-

ха, у нее блестящие волосы и приятное лицо. Но у той, что постарше, темные волосы, светлые глаза и осиная талия – одета в туго подпоясанный тренчкот⁴⁹, – и я не могу не думать: *вот это да*. Я женат и, в отличие от некоторых моих коллег, не бегаю за юбками, но ведь и не слепой.

Все равно не верю, что они нашли эту девочку, особенно когда они ведут нас по парку в сторону Силберн-авеню. Не очень оживленная улица, но на ней все-таки бывает достаточно машин, так что за эти дни кто-нибудь как-нибудь наверняка заметил бы тело. Оставляем патрульную машину на парковке и идем пешком, двое мужчин и две женщины, как будто у нас двойное свидание, пошедшее наперекосяк. Я иду рядом с темноволосой, которая шагает впереди.

Та плачет.

– У меня сын-подросток, – говорит она.

Я отвечаю, что сам женат еще недостаточно долго, чтобы иметь детей, что, в общем-то, можно назвать правдой. Три года, и за это время мы пережили два выкидыша. Но, по словам врача, в будущем вполне можем родить здоровых детей. Надеюсь, будут сыновья, которые последуют по моим стопам. Мой отец был полицейским, и я полицейский. Дед приехал из Польши в 1912 году, и его английский был не очень-то хорош, иначе он тоже мог бы служить в полиции. В наши

⁴⁹ Ставший каноническим покроем двубортного плаща или пальто с отложным воротником, поясом и раздвоенной снизу задней частью; заимствован из одежды военных и широко распространился после Второй мировой войны.

дни вечно толкуют о предрассудках и всем таком, как будто это не коснулось и нас. Когда моя семья переехала в Америку, в Балтиморе всем заправляли ирландцы, и их интересовали только они сами. Затем заправляли итальянцы – та же песня. Следом, наконец, шанс выпал и нам, восточноевропейцам. Все течет, все изменяется, так всегда было и всегда будет. Нужно просто дождаться момента, когда придет и твой черед.

Я спрашиваю, чем занимается ее муж, и она вздрагивает, как будто вопрос удивил ее, но если у тебя есть ребенок, то должен быть и муж, разве не так? Она отвечает:

– Он адвокат, – затем быстро добавляет: – Нет, не по уголовным делам. По гражданским. В области недвижимости.

– Он у вас наверняка хорошо зарабатывает, – говорю я просто для того, чтобы что-то сказать.

Вокруг темно, стоит такая тишина. Правда, слышен шум движения на Нортерн-Паркуэй и на новой автостраде Джонс-Фоллз, которую в это время года можно разглядеть за стеной деревьев – но ощущение все равно такое, будто вокруг тихо, как бывает в церкви. По соображениям приличия мы все стараемся говорить негромко.

Впрочем, говорю только за себя самого – не знаю, что большую часть времени творится в голове Пола, если там вообще есть какие-то мысли помимо желания поесть в «Бургер-Шефе» и поблудить со шлюхами. Лично мне хочется, чтобы оказалось, что эти женщины ошиблись. Не потому,

что если они правы, то дело затянется надолго. Мы все равно только что заступили на дежурство, и нам пока что нечего делать. Но я не хочу иметь дело с мертвым ребенком. По мне, такие вещи приносят несчастье. Два выкидыша; с меня хватит мертвых детей. Иногда начинаю гадать, не являются ли выкидыши Божьей карой – но за что? Сам я хороший человек. Правда, когда был помоложе, имелись кое-какие закидоны, но для мужчины это нормально. Моя жена София на шесть лет младше меня, и она просто ангел, так что точно достойна иметь детей. Если Бог считает, что меня нужно за что-то покарать, пусть так, но София не заслуживает такого. И если Он подарит нам детей, мы воспитаем хороших граждан – парней, которые последуют по моим стопам и поступят на службу в Полицейский департамент, и девочку, которые научатся готовить такие же замечательные блюда, как и их мать, – грудинку, голубцы, пироги.

Добираемся до Силберн-авеню, и поначалу мне кажется, что мое желание исполнится. Не видно никакого мертвого тела.

– Где же?.. – Темноволосой явно не по себе. – Мне казалось, что она лежит прямо здесь, рядом. – Вторая все больше молчит. Пол болтает с ней всю дорогу, пока мы спускаемся с пригорка. Он не женат, но у него есть девушка, более или менее постоянная, хотя это не мое дело. То, что ты делаешь до брака, касается только тебя.

Та, что помоложе, говорит:

– Нет, надо пройти немного дальше.

Уже совсем стемнело, и мы достаем фонари. Я пытаюсь успокоить женщин:

– Знаете, вы удивитесь, когда узнаете, как часто люди совершают подобные ошибки... – но тут свет от фонарика Пола отражается от чего-то блестящего, и вот она, Тэсси Файн. Шея сломана, как у цыпленка. Не надо быть коронером⁵⁰, чтобы это понять.

Сообщаем о находке. Пол предлагает проводить женщин до парковки, но они отвечают, что у них там нет машины, пришли сюда пешком от синагоги.

– Можем вызвать вам такси, – говорю я.

Но та из них, которая постарше, отказывается.

– Нет-нет, я должна остаться. Ведь я и сама мать. Если бы с моим сыном что-то случилось и его обнаружила другая мать, я бы захотела, чтобы она осталась.

Лично я этого не понимаю, но надо уважать ее желание. Наверняка София поступила бы так же.

Теперь, когда солнце зашло, холод начинает пробираться до костей. Это из-за мартовской сырости, которая в каком-то смысле, пожалуй, будет похуже, чем самая лютая зимняя стужа. Мне не по себе оттого, что нам нечего накинуть на плечи двух дам, но если я сниму куртку, то окажусь в одной рубашке, а они обе одеты в пальто. Появляются детективы из убойного отдела, нам с Полом надо перекрыть улицу, а женщины

⁵⁰ Коронер – эксперт, определяющий характер смерти.

отказываются уйти, пока маленькое тело не унесут. Головка малышки болтается под жутким углом. Не надо быть таким уж сильным, чтобы сотворить подобное с маленькой девочкой, достаточно просто здорово разозлиться. Но кто может так рассердиться на малого ребенка? Надеюсь, тут не преступление на сексуальной почве. Лично я бы сошел с ума, если б вот так убили моего собственного ребенка.

Но я вижу, что ей, той, у которой темные волосы, сейчас еще тяжелее, чем мне. Для нее это что-то более личное, потому что у нее есть ребенок. А может, потому, что это ей пришлось в голову поискать именно здесь. *«Как вы поняли, что надо искать здесь?»* – спрашиваем, но она ничего не говорит, только обхватывает себя руками.

Репортеры наконец-то пронюхали, что мы нашли труп. Ведя переговоры по рации, мы старались не говорить лишнего, но от нас до Телевизионного холма будет меньше мили, к тому же движение на дороге перекрыто. В такой ясный зимний вечер, как сейчас, огни красно-синих полицейских мигалок видны издалека. Можно предположить, что кто-то из обеспокоенных граждан начал звонить, пытаясь выяснить, что к чему. Репортеров сюда не пускают, они стоят в конце улицы и иногда выкрикивают вопросы, но по большей части ведут себя тихо. Вижу, к нам идет Джек Диллер из криминальной хроники «Балтимор стар». Диллер пишет о нашей работе уже так давно, что он больше коп, чем репортер, и, когда мы просим его отойти, он реагирует добродушно.

– Скажите мне только одно – это Тэсси Файн? – спрашивает он. Каким-то образом он получает подтверждение, не от меня.

Развозим женщин по домам, само собой. Мне и в голову не могло прийти, что они живут так далеко друг от друга, в разных концах города. Интересно, как они вообще познакомились и как оказались вместе, когда отправились искать пропавшую девочку? Которая постарше садится на переднее сиденье, и мы не возражаем. Пол усаживается на заднее и начинает болтать без умолку. Флиртует, лоботряс. Едем в Пайксвилл, где, как я думал, живут все евреи. Но тут дама, у которой муж работает адвокатом, говорит:

– Я живу в центре. Простите – знаю, вам далеко туда ехать. Мы отвечаем, что не против.

По дороге даю ей совет:

– Вы не обязаны разговаривать с прессой. Будет лучше, если не станете это делать.

– Почему?

– На свободе разгуливает убийца. Чем меньше он будет знать о том, что нам известно, тем лучше. А пока мы его не арестуем, источником новостей остаетесь вы.

Это приводит ее в замешательство.

– А что, это плохо?

– И не плохо, и хорошо. Просто сделанного не воротишь, вот и все. Репортеры – они как собаки, дерутся за любой обрывок новостей. И поскольку их много, каждому за-

хочется написать что-то свое. Тот из них, который доберется до вас первым, захочет вас раскрутить. Поэтому остальным придется стараться разнести вас в пух и прах.

– Разнести в пух и прах? Но за что? Что я сделала? – Она явно поставлена в тупик, и мне становится неловко.

– Ничего. Я просто хочу предупредить – репортеры могут хорошее сделать плохим. Такая уж у них работа. – Как-то раз один репортер облил грязью моего отца. В конце концов у него так ничего и не вышло, но я усвоил урок.

Высаживаем ее у непотребного на вид многоквартирного дома рядом с собором. Хочу проводить до двери квартиры, но она отказывается, и притом слишком уж категорически, как будто думает, что я попытаюсь сделать что-то нехорошее, и это задевает меня. Я просто пытаюсь сложить то, что она мне рассказала, воедино, вот и все. У нее сын, значит, в какой-то момент времени имелся и муж. Может, сын уже вырос? Возможно, если она рано родила. Не могу представить себе, как в этом доме может жить ребенок. Мы с женой живем в блочном квартале неподалеку от Паттерсон-парка. Но когда появятся дети – а они появятся, уверен, до сих пор нам просто не везло, – и я начну продвигаться по службе, мы купим дом где-нибудь подальше, чтобы при нем была хотя бы небольшая лужайка. Детям нужен двор, хотя у меня самого, когда я рос, ничего такого не было. В общем, ладно, надо вернуться на машине с Полом на заднем сиденье в участок, а оттуда домой – лечь рядом с женой, которая будет спать или

притворяться, будто спит. Ей сейчас не нравится, когда я к ней прикасаюсь, потому что тело ее подвело, и она думает, что подвела меня, но я ее не виню, даже самую малость.

Пью пиво в компании Пола и еще нескольких наших ребят и немного преувеличиваю нашу роль в обнаружении тела Тэсси Файн, тем самым преуменьшая значение того, что сделали эта дама по имени Мэдди и ее подруга, но ведь это фонарик Пола выхватил из темноты ту часть ботинка с подбойкой, и первыми представителями закона там были все-таки мы. Как бы там ни было, приканчиваю кружку и решаю, что домой лучше ехать мимо ее многоквартирного дома, просто потому что... ну, не знаю, наверное, дело в том, что я беспокоюсь за нее. Неподходящее место для такой дамы.

Подъехав, вижу припаркованную там патрульную машину. Теперь мне становится по-настоящему беспокойно. Когда человек обнаруживает труп, это может подействовать на него самым печальным образом – так мне говорили. Да и для меня это стало шоком. В общем, собираюсь перейти улицу и подняться в ее квартиру, когда вижу полицейского в форме, который выходит из дома – и садится в эту самую машину. И тут что-то не так, это как пить дать.

Потому что он черный, чернее чернил, а цветным не полагается пользоваться машинами.

Записываю номер. Машина приписана к моему участку в северо-западной части города. Завтра начну выяснять этот вопрос, попытаюсь узнать, почему патрульное авто бы-

ло припарковано рядом с квартирой Мэдди Шварц в три часа ночи.

И почему какой-то цветной коп выходил из ее дома посреди ночи.

Март 1966 года

Странно – жить, имея секрет. Нет, речь не о Ферди – Мэдди думала о Ферди как о необходимом умолчании, само собой разумеющемся из-за царящих предрассудков. Но только несколько человек – Джудит и полицейские – знали, что это она нашла Тэсси. «Тело обнаружено двумя прохожими» – так об этом написали в газетах, а на телевидении ведущие новостей, включая Уоллеса Райта, утверждали, что это была «молодая пара». Вроде все так, да не так. И дело не только в том, что упоминание о «молодой паре» заставляло публику предполагать: речь о парне и девушке. Все, что говорилось об этом деле, сводило роль Мэдди в обнаружении тела практически к нулю. Это она выбрала место для поисков, это она решила пройти до конца той тропы, но, читая газеты и смотря новости по телевизору, вы бы никогда об этом не узнали.

Пока никто еще не был арестован, хотя, по словам Ферди, у полиции имелся перспективный подозреваемый – продавец зоомагазина. Он утверждал, что девочка зашла в его магазин и сразу же ушла, но ему никто не верил.

Также Мэдди узнала от Ферди, что некоторое время она сама и Джудит считались «лицами, представляющими оперативный интерес».

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила она, когда они лежали в кровати и пили пиво через два дня после обнару-

жения тела Тэсси Файн.

– Во-первых, копы из убойного отдела всегда обращают внимание на тех, кто обнаруживает трупы. Такая уж у них работа. И вот перед ними две женщины, проходящие по Силберн-авеню перед самым наступлением сумерек – они подумали, что вы, возможно, лесбиянки. А может, думают так и сейчас.

– Я же рассказывала тебе, что у синагоги нам дали от ворот поворот, отказавшись принять в состав волонтеров, которые отправятся на поиски Тэсси Файн, вот мы и решили, что пойдем искать сами, – сказала Мэдди. Как кто-то может подумать, будто она лесбиянка?

– Дорогая, если бы детективы верили всему тому, что им говорят люди, они бы плохо делали свою работу. – Он сделал паузу. – Я бы хотел быть детективом.

– Уверена, ты можешь стать тем, кем захочешь.

– В полиции сегрегация. Копы-негры могут патрулировать улицы пешком и, возможно, работать под прикрытием в делах о торговле наркотиками. Мы не можем использовать машины. У меня даже нет рации, а есть только ключ от ящика с телефоном для экстренной связи. Помнишь, как мы познакомились?

Она взглянула на свою африканскую фиалку.

– Разве я могу забыть?

– Как бы то ни было, перед ними были две женщины, проходившие в сумерках по пустынной улице, находящейся да-

леко от тех мест, где живет и одна, и другая. Уверен, они спросили тебя, знала ли ты эту девочку.

Так и было. Но тогда для Мэдди это было чем-то вроде светской беседы с неевреями, которые пытаются разобраться в связях, пронизывающих еврейскую общину. О, она трещала как сорока. *Ее бабушка и моя мать были знакомы – думаю, почти любая женщина в северо-западном Балтиморе, у которой есть меховая вещь, знает Файнов. К тому же много лет назад я училась в одной школе с ее отцом. Как-то раз он пригласил меня на танцы.* Теперь ей было неловко вспоминать, с какой легкостью она рассказала им все это. Интересно, сочли ли они что-то из этого важным? И ей даже не пришло в голову удивиться тому, что на следующий день ее и Джудит допрашивали по отдельности.

– Впрочем, серьезная подозреваемая из тебя бы не вышла, – добавил Ферди, что отчего-то задело еще больше.

Как же получилось, что Мэдди досталась лишь эпизодическая роль в истории, которая вообще бы не состоялась, если бы не она? Разумеется, не хочется, чтобы о ней писали в газетах или говорили по телевизору, потому что тогда журналистам надо будет объяснять, кто она такая – а кто она? Женщина, проживающая отдельно, бывшая жена такого-то, отлученная (против воли) мать такого-то. Кто такая Мэдди Шварц? Она не могла заявить, что это она обнаружила тело Тэсси Файн, потому что тогда неминуемо был бы задан этот вопрос.

Она хорошо осознала все это, когда, возвращаясь домой с прогулки на следующий день, обнаружила на крыльце своего дома грузного мужчину в тренкоте и шляпе.

– Боб Бауэр, – сказал он, протянув ей руку.

– Я знаю, кто вы, – ответила она. Автор популярной колонки в «Балтимор стар». К которой прилагался его нарисованный пером привлекательный портрет.

– А вы...

– Мэдлин Шварц.

– Вас-то я и ищу.

– Могу спросить, зачем?

– Думаю, вы знаете... послушайте, не могли бы мы пройти к вам? Я шел сюда пешком, и мне пришлось идти в гору. Толстяку вроде меня это тяжело.

– Я бы не назвала вас толстым, – сказала она.

– Что ж, тогда я не знаю, как меня вообще можно назвать.

Чувствуя себя очарованной и понимая, что он нарочно старается ее очаровать, она впустила его к себе и предложила ему воды. Поднявшись в ее квартиру, находящуюся на третьем этаже, он дышал тяжело, с присвистом.

– У вас симпатичная квартира, – заметил он. – Я чуть было не отправился по другому вашему адресу, но мой источник указал мне на мою ошибку.

– По другому моему...

– Туда, где вы жили прежде.

Мелькнула мысль, что он имеет в виду Джист-авеню, но

потом сообразила, что он чуть не явился в дом, где по-прежнему жили Милтон и Сет. Хорошо, что этой катастрофы удалось избежать, подумала она, потом решила, что ей не стоит смотреть на это под таким углом. Она же не сделала ничего плохого. К тому же было бы неплохо, если бы Сет узнал, что его мать обнаружила тело Тэсси.

– Мы с мужем разводимся, – сказала она.

– Такое случается и в самых лучших семьях. Я подумал, широкой публике было бы интересно почитать историю о том, как вы и ваша подруга нашли тело Тэсси Файн. Эту историю стоило бы рассказать, вы не находите?

Часть ее очень хотела сказать «да». Но тогда раскрылось бы слишком многое. Не только нынешнее положение дел, но также и ход мыслей, который привел ее в парк Силберн Арборетум. Мэдди вдруг показалось, что она не сможет объяснить, что привело ее туда, где было спрятано тело Тэсси, если не расскажет о неистовых ласках, которыми она когда-то обменивалась с парнями как раз в том месте. Она опасалась, что даже если предложит ему подчищенную версию тех событий, то в конце концов все равно выложит все. И о Ферди, и о том, как она притворилась девственницей в первую брачную ночь, а может быть, даже скажет, кем был тот мужчина, из-за которого пришлось притворяться, раскрыв секрет, хранимый столько лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.